

СТРАЖЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ШУХАРТА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Закон Шухарта

«Издательство АСТ»

2013, 2019

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон Шухарта / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ», 2013,
2019 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-115775-3

«СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!!!» Эти слова произнес сталкер Рэдрик Шухарт на дне котлована, найдя Золотой шар, исполняющий любые желания. Так заканчивается знаменитый роман братьев Стругацких «Пикник на обочине». Но что было дальше? Более сорока лет, с момента выхода культового произведения, задают себе этот вопрос поклонники российской фантастики. И вот наконец Дмитрий Силлов написал роман, являющийся прямым продолжением истории Рэда Шухарта. Что ждет знаменитого сталкера после того, как он вернется из Зоны в родной Хармонт? Как его высказанное желание повлияет на будущее далекой Чернобыльской зоны отчуждения и на судьбу Снайпера, хорошо известным поклонникам серий «Сталкер», «Кремль 2222» и «Роза Миров»?

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115775-3

© Силлов Д. О., 2013, 2019
© Издательство АСТ, 2013, 2019

Содержание

Автор искренне благодарит:	6
Глава 1	7
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Олегович Силлов

Закон Шухарта

© Д. Силлов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по чернобыльской Зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov> за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

*Памяти Аркадия Натановича и Бориса Натановича Стругацких
посвящается*

Глава 1

Счастье для всех

1. Рэдрик Шухарт, 31 год, сталкер

– СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!!!

Возможно, он прокричал эти слова – страшно, с надрывным ревом, какой исторгают порой раненые звери, осознавшие неотвратимость скорой смерти. Возможно, прошептал, лишь слегка потревожив хриплым дыханием раскаленный воздух Зоны. А может быть, просто бросил в пространство мысль – обожженную, истерзанную, израненную, такую же, как он сам. Чужую мысль, чужое желание человека, которого он только что убил, отправив в самый центр «мясорубки»...

Чего скрывать, на самом деле не хотел сталкер Рэдрик Шухарт никакого счастья, уж тем более – для всех. Жирно будет всем и каждому по счастью, да чтоб еще и никто не обиделся на такой подарок. Свойство такое у человека есть, зависть называется. С одной стороны, грех смертный, а с другой – ну кто ж без греха-то? И если даже ты сам сейчас счастливый по уши и в шоколаде полностью, всегда в сторону соседа взгляд кинешь – а не лучше ли ему, чем тебе? И не стбит ли у ближнего своего кусочек фарта позаимствовать насовсем и без отдачи, чтоб у тебя самого того счастья было не по уши, а по самую макушку?

Лично сам Рэдрик изначально впрягся в это дело не ради того, чтоб облагодетельствовать человечество, а с целью заполучить абсолютно конкретный куш в пятьсот тысяч зелененьких. Как раз перед отсидкой Хрипатый Хью и Костлявый Фил, скупщики элитного хабара в «Метрополе», показали Шухарту прайс-лист. Были в том прайсе обозначены цены на легендарные дары Зоны, которых никто никогда вживую не видел. И самая привлекательная цена – за Золотой шар, исполняющий любые желания. Хотя, если вдуматься, – зачем деньги человеку, и без того имеющему возможность получить все что угодно? Но нет. Оказалось, все имеет свою цену, и Золотой шар – тоже. Абсолютно конкретную цену в зеленых банкнотах, на которые можно купить исполнение любых желаний... Такой вот замкнутый круг, который с ходу и не осознаешь...

Но сейчас Шухарту не нужны были ни Золотой шар, ни деньги, ни исполнение каких-то желаний, ставших в одночасье просто словами – ненужными, серыми, бесформенными, похожими на мусор, изрядно скопившийся на дне старого котлована... Он, Рэдрик Шухарт, только что убил человека. Послал на верную смерть ради того, чтобы дойти до чертова шара. Зачем дойти? Для чего? Чтобы привязать к нему надутый гелием портативный аэростат и таким вот образом через всю Зону отконвоировать добычу в Хармонт?

Бред собачий...

Да не пройдешь ты, конвоир мечты всех сталкеров, и полусотни шагов с эдаким грузом. Помнишь то болото с зеленой жижей, на берегах которого нашли вечный покой Очкарик и Пудель? И ты тоже ляжешь там со своим воздушным шариком, так как белые молнии гигантских «электродов» бьют в любой объект размером больше кулака, высунувшийся из центра болота. Знал ты об этом, Рэдрик? Знал, еще как знал. И все-таки послал Арчи в «мясорубку». Говорящую «отмычку» Арчи, сына того самого Стервятника Барбриджа, который точно так же скармливал Зоне свои «отмычки» ради того, чтоб выпросить у Золотого шара детей, здоровье, удачу... Так чем же ты лучше Барбриджа, Рэдрик Шухарт?

Да ничем ты не лучше. Хуже, намного хуже. У Стервятника хоть цель была, желание имелось конкретное. А ты просто взял – и убил его сына, зная заранее, что никогда тебе не

дотащить до города этот сверкающий исполнитель желаний. Вон уже снова колеблется едва заметное марево над тем местом, где совсем недавно погиб Артур Барбридж. «Мясорубка» переварила добычу и готовится принять следующую. И значит это, что и ты никогда не выйдешь из старого котлована, что нет у тебя пути назад, что так и будешь ты стоять на коленях перед Золотым шаром и орать, шептать, мысленно повторять чужие, ничего не значащие слова: – СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!!!¹...

* * *

...Солнце клонилось к закату.

Рэдрик Шухарт вдруг осознал, что ему холодно. Здесь, на дне котлована, помимо мусора было довольно много жидкой, вонючей грязи, в которой стоять на коленях и выть на облака, словно взбесившийся койот, крайне вредно для здоровья. Колени уже ломило не на шутку, а еще зверски саднила обожженная спина, особенно в тех местах, на которые давили ляжки тяжеленного рюкзака.

Сталкер с трудом поднялся на ноги и, поднатужившись, сбросил в грязь рюкзак, в котором ничего и не было, кроме бесполезного гелиевого баллона, оболочки портативного аэростата, маскировочной сетки и остатков аптечки, расплавившейся в «жаре». Ненужное барахло для человека, в пяти шагах от которого на островке сухой земли наляпаны черные пятна – все, что осталось от «отмычек» Стервятника Барбриджа... и от его сына Артура, «отмычки» сталкера Шухарта...

Рэдрик снял с пояса флягу, отвинтил крышку и сделал глоток. Потом еще один... Коньяк обжег небо, горячим комком прокатился по пищеводу, опалил пустой желудок, разлился по телу, прогоняя остатки нервной дрожи.

Так вот оно как, Рыжий, убить человека... Ты всегда думал, что это просто, примерно как в «Боржче» по морде кому-нибудь пивной кружкой съездить. Оказалось, нет. Все гораздо сложнее. И больнее. Будто самому себе ржавую заточку в сердце воткнуть, а потом резко повернуть рукоятку книзу, сломать подпиленный клинок – и при этом не сдохнуть. И вот теперь болит оно, сердце, сил нет как болит. Без истерики, без нервной дрожи, а просто тупо и мерзко, как и положено реагировать живой плоти на насквозь проржавевшее инородное тело. И спасение от этой боли теперь только одно, одно-единственное счастье для запойного сталкера-убийцы, булькающее внутри походной фляги. Немудрено, что так быстро спиваются многие ветераны, вернувшиеся с войны...

Он вновь поднес к губам флягу... и вдруг замер, осознавая невозможное. Да, именно эту самую флягу, помятую, с глубокой царапиной возле горлышка, он выбросил перед тем, как начал спускаться в карьер.

Пустую выбросил.

ПУСТУЮ!!!

Но теперь она была полной. Почти полной. И в ней еще оставалось приличное количество коньяка, терпко пахнущего дешевого напитка, который продает в «Боржче» старуха Розалия оптовым покупателям-алкашам по двенадцать монет за галлон.

«Счастье... Одно-единственное счастье... Ты ведь об этом подумал, Рыжий, когда по привычке тянулся за флягой, которой не могло быть на твоём поясе. Так вот, и получай его. Даром...»

Шухарт отвел взгляд от фляжки и посмотрел на Золотой шар.

¹ О том, что произошло с Рэдриком Шухартом до описываемых событий, можно прочитать в знаменитом романе Аркадия и Бориса Стругацких «Пикник на обочине».

Исполнитель желаний больше не отсвечивал красноватой медью в лучах заходящего солнца. Теперь он был грязно-серым, тусклым, похожим на большую и ненужную стальную заготовку, которую уронили в карьер, а поднимать наверх не стали – на кой возиться с тем, что не особо и надо? Так легенда Зоны и пролежала здесь много лет, покрываясь налетом грязи и пятнами коррозии. Да и был ли вообще тот Золотой шар? Не померещилось ли тебе, Шухарт, оно спяну? Попробуй, прокопчись в «жаре», пройди через болото, где над макушкой трещат разряды белых молний и волосы трещат от электричества, влей в себя литр пойла Розалии, а потом убей...

Стоп!

Об этом не думать.

Не было ничего, понял, Шухарт? Ты просто приперся сюда, ни черта не нашел и вернулся обратно. И для тебя, и для всех остальных – если, конечно, свершится еще одно чудо и ты дойдешь до остальных. Ни Арчи не было, ни Золотого шара. Никто не видел, как вы уходили рано поутру из Хармонта, никто не увидит, как ты вернешься ночью обратно.

Если вернешься...

Мысли шевелились в голове сталкера, а руки делали привычную работу. Много раз они с Барбриджем надували гелием оболочку аэростата, проверяя, сколько сможет поднять примитивное устройство и надолго ли его хватит. опыты показали: фунтов двести – двести пятьдесят поднимет влегкую, и часа три точно продержится оболочка, сшитая-склеенная вручную, перед тем, как начнет сдуваться.

Но теперь эти три часа Шухарту были не нужны. Вполне достаточно трех минут для того, чтобы, надув газом аэростат, уцепиться за кожаные лямки и легко взбежать по вертикальной стене карьера, оттолкнувшись перед этим ногой от незолотого Золотого шара. Который, кстати, от мощного толчка даже не пошевелился...

* * *

Рэдрик включил карманный фонарь и осветил им пятно, смутно белеющее в темноте ночи.

Пистолет лежал там же, где Шухарт его оставил, – на растрескавшейся шпале, завернутый в пахнущий одеколоном чистенький носовой платок Артура Барбриджа. Не дело, конечно, когда молодой парень таскает с собой такие вот надушенные платки. Может, оно и к лучшему, что все случилось так, как случилось.

Рэдрик присел на рельс рядом и развернул сверток. Ну да, армейский «Кольт» M1911A1, 1943 года выпуска. Старое оружие, «классика». Надежное, как любовь матери, и простое в обращении, как точилка для карандашей. Точно такой же хранится в тайнике под телефонной будкой на Горняцкой улице вместе с оцинкованной коробкой, набитой патронами, мешочком с «браслетами» и старым бумажником, в котором лежат поддельные документы на имя какого-то Боба с дурацкой фамилией. Два одинаковых пистолета Эрнест, владелец «Боржча», продал семь лет назад Рэду Шухарту и Барбриджу Стервятнику. Первый сталкер спрятал свой пистолет и так с той поры и не доставал его из тайника. Второй таскал «Кольт» в Зону постоянно, и теперь понятно для чего.

Золотой шар исполнял одно желание, а потом сдувался, как хреново сделанный гелиевый аэростат. Или не исполнял. Помнится, Стервятник говорил, что шар выполняет только самое сокровенное. Но в любом случае «мясорубка» брала свою дань, после чего на земле оставалось характерное пятно. И какой же сталкер, пусть даже с минимальным опытом, полезет в карьер, где этих очень характерных пятен чертова уйма? Правильно, никто не полезет. А вот если наставить на «отмычку» армейский «Кольт», заставить ее привязать к своему поясу свободный конец веревки и сказать что-то типа: «Ты иди, иди. А как только “мясорубка” начнет

сворачиваться в спираль, я тебя вытащу. Или же прям сейчас пристрелю и дохлого брошу в центр той спирали, но, сам понимаешь, уже вытаскивать не стану. Выбирай».

Понятное дело, что человек выберет. Тем более что один раз Барбридж точно не обманул, выдернул из «мясорубки» Красавчика Диксона. Правда, тот после этого превратился в Суслика. Но ведь не соврал же Стервятник, сдержал слово. А очень и очень многие предпочитают жить полусумасшедшим инвалидом, мало похожим на человека, нежели умереть прямо сейчас, немедленно и неотвратно.

Не хотелось брать в руки концентрированную смерть, которую сын спер у папы перед первым и последним своим походом на запретную территорию. Вчера не хотелось, потому и завернул ее в платок. Чистеньким хотел остаться перед собой и перед Зоной. Хоть немного еще побыть таким вот из себя хорошим и благородным Рэдом Шухартом, спасшим пять или шесть сталкерских жизней и, типа, от эдакого количества благодати сбившимся со счета. Хорош теперь-то приседать перед самим собой и реверансы делать, пистолеты в платочки заворачивая, чтобы рук ненароком не замарать. Теперь ты такой же, как Стервятник. Только гораздо хуже.

Сталкер проверил пистолет. Ну да, не обманул покойный Арчи. Пустой магазин и один патрон в патроннике. Не понадобился тебе, парень, этот патрон, никогда не понадобится больше. А вот Рэду Шухарту, может, и пригодится – чтоб, например, не ходить далеко за своим «Кольтом», в тайнике спрятанном, тем более что проржавеет пистолет мог за эти годы запросто...

Но тогда зачем вообще идти обратно в Хармонт, если можно все сделать здесь, прямо на месте? Да очень просто. Надо заглянуть напоследок в «Боржч», выпить стаканчик за помин души сына Стервятника. Потом сходить домой, посмотреть еще разок в понимающие глаза жены и бессмысленно-бездонные омуты Мартышки, отцу налить немного коньяку в пустой стакан – Гута ж не нальет, боится. Потом зайти в спальню, достать чековую книжку из тумбочки, выписать сумму из четырех цифр на имя жены – всё, что лежит в банке, остатки гонорара, полученного за контейнер с «ведьминым студнем». А потом пройти в чулан, запереть дверь на щеколду, достать «Кольт» и одним движением указательного пальца поставить точку в череде бессмысленных и малоинтересных событий, совокупность которых люди назвали жизнью. Хотя нет, в чулан не надо. Гута услышит выстрел, увидит все, плакать будет сильно. Намного сильнее, чем если узнает о случившемся от полиции. Ну, значит, не в чулане, а где-нибудь в подворотне. Впрочем, это уже детали.

Мысли были ленивыми и спокойными, словно свинцовые тучи, плывущие над Зоной. Странно, наверно, что человек, планирующий раздачу последних долгов, думает о них, словно о походе на пикник в выходные. Раньше, возможно, это показалось бы Шухарту странным. А сейчас нет, нормально. Когда ты все решил, все разложил по полочкам и понял, для чего и как нужно прожить грядущий день, как-то проще все становится. И уже наплевать на то, что этот день – последний. Главное – хоть его бы прожить правильно, в отличие от всей предыдущей жизни.

Он встал с рельса, приподнял куртку, засунул за ремень пистолет, прикрыл его потертой полый кожанки – и улыбнулся рассвету, только-только зарождающемуся на востоке. До Хармонта оставалось пройти всего ничего, и полностью распланированный день обещал быть просто отличным.

* * *

Но, как говорится, сталкер предполагает, а Зона располагает.

Кордон Шухарт прошел вообще без проблем. На вышках – пусто. Ни одной патрульной машины вдоль колючки не проехало за те четверть часа, что Рэд пролежал в канаве, обзревая окрестности из-под маскировочной сетки. Будто вымер кордон. Небывалое дело.

Шухарт пожал плечами, встал, свернул сетку да и пошел себе напрямую. Глупо изображать из себя рельеф местности, когда вокруг ни души.

Зато по мере приближения к городу окружающий пейзаж стал намного оживленнее. Вот пробежал мимо, прижимая к себе плотно набитую сумку, какой-то малознакомый тип, кажись, с Седьмой улицы. Как звать типа – убей, не вспомнить, но его выпученные глаза теперь ни за что не забудешь. Интересно, с чего это мужика так разобрало, что он чешет, не разбирая дороги и не замечая ничего вокруг? Но теперь уж и не узнать. Вломился бегун в придорожные кусты, протаранил в них просеку и дальше по полю побежал, только задники выходных штиблет сверкают. Не лучшая, конечно, обувь для спорта, но, видать, изрядно земляку приспичило побегать по пересеченной местности. Ладно, едем дальше.

Шухарт не прошел по дороге и сотни шагов, как навстречу ему из небольшой рощицы вывалились двое патрульных. Один высокий, как фонарный столб, другой пониже, зато в плечах квадратный, как задок у «лендровера». Рожи знакомые, кажется, в свое время сталкер видел их в свите капитана Квотерблада. Неприятная встреча, несмотря на то, что оба еле ноги переставляют, в связи с чем вынуждены поддерживать друг друга. Угу. Симбиоз «не разлей вода». Случается такое, если двое одновременно макнут, скажем, ладони в «ведьмин студень», а потом попытаются обменяться рукопожатием. В результате получается у них одна длинная рука на двоих. Но этих патрульных срстил не «студень», а нечто более прозаическое.

– Д-деньги есть? – заплетающимся языком спросил квадратный.

Шухарт отрицательно покачал головой. Какой же дурак возьмет деньги с собой в Зону? Удачу сглазишь плюс вряд ли вернешься. Примета такая. Не любит Зона деньги.

– А если найдем? – прищурился заплывшим глазом второй блюстителю порядка. Интересно, кто ж дотянулся такому дылде в глаз засветить? Но кто бы он ни был, здоровья ему и удачи во всем.

Рэд пожал плечами и поднял руки. Эх, не вовремя взял с собой пистолет... Теперь всех собак навесят – если, конечно, смогут обыскать. Но коль уж «голубые каски» набрались до такого состояния, что сшибают бабки на большой дороге, то от них всего можно ожидать.

– У н-него нет денег! – почему-то радостно сообщил напарнику квадратный.

– А я его знаю, – так же радостно отозвался дылда. – Это сталкер. У них н-никогда нет денег. Т-только судимости.

– Так надо дать ему их!!!

«Судимостей? – подумал Рэд. – Что ж, с вас станется».

Но тут случилось неожиданное.

Пьяный патрульный сунул руку в раздутый карман штанов и вытащил огромный, похожий на кусок мяса кулак, из которого в разные стороны торчали зеленые купюры.

– Н-на! – сказал блюститель порядка, щерясь во все свои вставные зубы.

Шухарт кочевряжиться не стал. Когда тебе предлагают наличные, отказываться не стоит. Потому что это тоже очень плохая примета – денег не будет.

Слегка облегчив карман, квадратный патрульный сразу потерял интерес к сталкеру и затянул что-то заунывное. Длинный подхватил, и, обнявшись, счастливые собутыльники потащились дальше – вероятно, искать других нищих, ибо карманы у обоих оттопыривались не на шутку.

Когда они скрылись за поворотом, Рэд внимательно исследовал презент. На свет посмотрел, понюхал, проверил пальцем рельефность надписей. Сомнений не было. Он держал в руках шестнадцать банкнот по сотне каждая. Тысяча шестьсот самых настоящих «зелененьких». Деньги, на которые семья из четырех человек сможет безбедно прожить месяц, а то и полтора.

«Ничего не понимаю, – подумал Шухарт. – Может, в баре кто разъяснит, что за чудеса творятся в Хармонте?»

И направился он напрямиком в «Боржч», благо известное каждому сталкеру здание уже находилось в пределах видимости.

* * *

Несмотря на раннее утро, в «Боржче» было не протолкнуться. Когда глаза Рэда понемногу привыкли к полумраку, он первым делом отметил (виданое ли дело? С утра, да еще в сталкерском баре!) несколько «голубых касок», оккупировавших ближайший столик. Блюстители квасили, ни в чем себе не отказывая, словно люди, вдруг раз и навсегда решившие покончить с патрульной службой.

«А может, и решили, – подумал Шухарт. – Когда у человека появляется столько бабла, как у тех двух романтиков с большой дороги, на кой черт ему сутками торчать на вышках, высматривая в бинокли нашего брата-сталкера? Любои канадец, которых в патрулях немерено, повадками похож на русского, о которых, помнится, покойный Кирилл рассказывал. Появляются серьезные бабки – надо первым делом нажраться вусмерть, а потом свалить подальше от тех, с кем пил, – чисто чтоб оставшееся не сперли. Похоже, у служивых как раз первая стадия. Только вот вопрос – откуда это у патрульных Периметра вдруг появились серьезные бабки?»

Несколькими минутами позже он понял: счастье свалилось на головы не только «голубым каскам». Пили все посетители бара, и пили серьезно. Старуха Розалия не успевала менять кружки и подносить тарелки с закуской. Судя по ее довольной физиономии, напоминавшей печеное яблоко с глазами, происходящее сейчас в «Боржче» как раз и было ее индивидуальным счастьем. Которое даром... И чтоб никто не ушел обиженный...

«Неужто сбылось?!»

Мысль, которую он все последнее время усиленно гнал от себя, плотно обосновалась в его голове. И спустя несколько мгновений оформилась в уверенность, когда он увидел, кто сидит за дальним столиком бара, горланя давно забытые песни, весьма популярные в Хармонте лет эдак десять назад.

Слизняк, молодой парень с острой мордочкой, похожий больше на лиса, нежели на слизняка. Просто из любой ситуации он мог вывернуться, выскользнуть, всегда своим путем шел, пока однажды этот путь не привел его прямо в «комариную плешь», притаившуюся в незаметной канавке.

Фараон Банкер, сталкер с огромными ручищами и каменной физиономией, невозмутимый, словно легендарный древний правитель далекой страны. Его таким и нашли, с лицом спокойным и умиротворенным. Правда, похоронить не смогли. Кто ж по своей воле полезет у «кандалов» добычу отнимать? Только тот, кто сам захочет, чтоб его приковало к земле навечно.

Норман Очкарик и Пудель, два брата, оставшиеся навечно на каменной осыпи по обеим сторонам от зеленого болота. Они все вместе делали, в одной связке всегда в Зону ходили. Небось, обоих сразу и поразили молнии гигантских «электродов», когда братья попытались обойти болото. Кучи тряпок, обесцветившихся от времени, видел Шухарт совсем недавно. И в каждой куче приметная деталь просматривается, клинки одинаковых ножей из нержавеющей стали. Только и осталось от братьев, что те клинки да тряпки, остальное давным-давно сгнило в Зоне.

Однако эти четверо сейчас сидели в дальнем углу и пели во все горло, грохоча по столу доньшками тяжелых пивных кружек. Не покойники-«муляжи», которые порой выходят из Зоны, а вполне себе живые мужики. Такие, какими их запомнил Рэд Шухарт, когда еще сам был зеленым пацаном, лишь мечтающим о карьере сталкера. Легенды Зоны.

Их еще много было в баре, тех, кто однажды ушел в Зону и не вернулся. Боб Горилла. Каллоген. Пит Болячка. Линдон-коротышка. Все, все здесь. Перемешались вместе с живыми, пьют, веселятся. И живым весело. Они не знают, кто это рядом с ними глушит пойло старухи

Розалии. Потому что не помнит никто о Легендах. Потому что не осталось в Хармонте тех, кто начинал сталкерствовать тогда, более десяти лет назад. Никого, кроме него, Рэда Шухарта, и еще, пожалуй, старого Барбриджа-Стервятника. Того самого, что выпросил у Зоны двух детей-ангелочков, а потом оставил в ней свои ноги. Правда, детей теперь у него ровно на одного меньше... Стоп! Запретил себе думать о чем-то или о ком-то – не думай, иначе не надо было запрещать. А вот насчет всего остального поразмыслить стоило. Крепко поразмыслить, обстоятельно, за отдельным столиком, который завсегдатаи «Боржча» обычно старались не занимать.

Он и сейчас не был занят, тот столик в темном углу под балкончиком, за которым видно каждого, кто входит в бар, а вот тебя в тени разглядеть можно, лишь если очень сильно приглядываться.

Шухарт прошел через весь бар и приземлился там, куда наметил. Розалия подбежала довольно резво для ее возраста, неся пыльную бутылку, стакан и нехитрую закуску. Надо отдать должное, старуха весьма неплохо управляла заведением в отсутствие мужа Эрнеста, хозяина «Боржча» и одновременно его бармена, до сих пор сидевшего в тюрьме.

Рэд усмехнулся про себя. Ну, может, еще старая ведьма узнала кого из Легенд, но виду никогда не подаст, чтоб не обидеть клиента. Живой, мертвый – какая разница, лишь бы платил да не буянил. А уж кто, кроме Розалии, лучше знает, что нужно удачливым сталкерам, вернувшимся из Зоны. Сегодня точно нет сомнений, что именно удачливым. Такой уж день выдался, что коньяк с пивом рекой, деньги по стойке шуршащим потоком и у всех рот до ушей, даже у тех, кто давным-давно погиб в Зоне...

Рэд Шухарт неторопливо цедил Martell Cordon Bleu и слушал, о чем судачат за соседними столиками.

– Прикинь, просыпаюсь я, значит, но глаза не открываю, – распинаясь перед собутыльником Билли Треска, торговец рыбой с Четырнадцатой улицы. – Знаю, что сейчас жена орать начнет, мол, опять нажрался, толку от тебя никакого и все такое. Лежу, значит, мечтаю, что как хорошо было бы, если б лежала у меня на полу в моей камерке целая гора золотых слитков. Нужны «зелененькие», отрубил кусочек зубилом, в ломбард снес – и при деньгах. Что еще нужно для счастья? Ну, открываю глаза – и лежит оно, родимое, прям как мне представлялось. А рядом жена валяется в обмороке. Впервые за много лет тихая такая с утра, прикинь?

– Деньгами надо было брать, – глубокомысленно заметил его собутыльник с лицом, изрытым следами от давней оспы и с очевидным прозвищем Рябой. – Деньги не пахнут, и рубить ничего не надо.

– Золото тоже не пахнет, – слегка обиделся Треска. – Помяни мое слово, окажутся твои зеленые фальшивыми, как пить дать окажутся.

– Не-а, – мотнул башкой Рябой, заодно отрывая зубами от сэндвича изрядный кусок. – Не окажутся. Я о них конкретно мечтал, всю жизнь. Пачки представлял и перед сном, и после сна, и между. Что будут у меня когда-нибудь тех пачек целые карманы. И вот оно, сбылось. Конкретные мечты всегда сбываются. Вот и мне привалило. Только не знаю от кого, но все равно большое ему от меня человеческое спасибо.

– Что спасибо ему – это я с тобой согласен, – кивнул Треска. – Взять и заразить столько народу осчастливить...

Закончить мысль ему не дали.

Входная дверь распахнулась от мощного удара ногой. Все присутствующие разом повернули головы – это кто ж такой смелый, что в сталкерский бар заходит, как к себе домой?

На пороге «Боржча» стоял с иголочки одетый Стервятник Барбридж, держа в руке нечто, очень сильно смахивающее на толстую бейсбольную битку.

– Где он?! – проревел Стервятник.

– Тебе кого, старик? – спросил один из «голубых касок», мгновенно протрезвев и машинально кладя руку на кобуру. Несмотря на возраст, Барбридж все еще оставался здоровенным,

широкоплечим мужиком – не зря его по молодости Битюком звали до того, как он Стервятником стал.

Но Барбриджу ответа не потребовалось. Прищурившись со свету, он разглядел, что столик в дальнем углу занят, и решительно направился к нему. Какого-то шуплого мужика он просто смел с пути, толкнув плечом, остальные расступились сами.

Когда до столика Шухарта осталась всего пара шагов, Стервятник остановился, широко расставил ноги и взялся обеими руками за свою дубину, словно бейсболист, намеревающийся пробить коронный удар.

– Где мой сын, Рыжий? – прохрипел он. – Люди видели, как ты ночью ушел с ним за кордон. Так вот, отвечай, паскуда, где мой сын, иначе, клянусь Зоной, я расшибу твою башку собственным протезом!

Шухарт поднял глаза на Стервятника, их взгляды встретились.

– Не называй меня Рыжим, – негромко произнес Рэдрик. – Не люблю.

Барбридж взревел дурным голосом, заноса над головой свою импровизированную дубину, но тут же поперхнулся собственным ревом, разглядев в полумраке бара дульный срез знакомого пистолета, смотрящий ему прямо в лоб.

– Полегче, Стервятник, – скучно произнес Шухарт. – Ты же понимаешь, что с дыркой в башке тебе больше не понадобятся твои новые ноги.

Барбридж постоял еще немного на месте, держа на весу свой протез, а потом вдруг как-то сразу сдулся, словно треснувший посередине гелиевый аэростат. Деревяшка, мастерски сработанная подручными Мясника, выпала из его рук и укатилась под ближайший стол. А Стервятник вдруг рухнул на колени и залился слезами, протягивая к Рэдрику руки, перевитые синими венами.

– Верни мне сына, – простонал он. – Моего Арчи... Мальчика моего верни...

Шухарт медленно поднес к губам коньячный бокал, отпил глоток, посмаковал во рту маслянистую жидкость, отдающую шоколадом, проглотил с удовольствием, после чего поставил бокал на стол. Рядом с бокалом лег армейский «Кольт» Барбриджа.

Противоречивые чувства боролись в душе Рэдрика. Чувства, о которых он никогда никому не расскажет. С одной стороны, ему было жаль старика, потерявшего сына. Но с другой стороны, скольких чужих сыновей хладнокровно отправил этот старик в «мясорубку» ради исполнения своих желаний? А скольких оставил в Зоне лишь потому, что неохота было ему тащить на себе раненую «отмычку»? Десять? Двадцать? Больше? Да кто ж их считал, особенно в те первые годы после Посещения, толпами прибывающих в Хармонт любителей легкой наживы и наивных романтиков, мечтающих облагодетельствовать человечество? И не для того ли взял с собой Рэдрик Шухарт сына Барбриджа, чтобы тот однажды прочувствовал на своей шкуре, каково это – потерять собственного ребенка?

И сейчас, несмотря на эти самые противоречивые чувства, борющиеся в его душе, Рэдрик знал: случись ему снова делать выбор насчет того, соглашаться ли на просьбы Артура Барбриджа взять его с собой в Зону или послать молокососа куда подальше, он сделал бы то же самое.

– Хорошо, – наконец сказал Рэд Шухарт. – Я могу вернуть тебе сына, Стервятник. Но тогда ты снова потеряешь свои ноги, о которых скулил с того самого момента, как я вытащил тебя из «ведьмина студня». Выбор за тобой.

В мгновенно воцарившейся тишине слова сталкера прозвучали словно гром среди ясного неба. Люди смотрели на Шухарта с суеверным ужасом. Так вот, оказывается, кому они все обязаны счастьем, неожиданно свалившимся на них неведомо откуда? Странно это, наверно, видеть своими глазами человека, который вот так запросто, походя, между делом может одарить любого деньгами, золотом или – и того хлеще – вернуть инвалиду утраченные ноги... либо отнять их снова, легко и непринужденно.

– Что... – прошептал Барбридж, утирая рукавом заплаканное лицо. – Что ты сказал?

– Ты слышал, – сказал Шухарт. – Твой сын дошел до Золотого шара и перед смертью попросил счастья для всех, даром, и чтоб никто обиженным не ушел. Так что выбирай свое счастье, Стервятник, и потом не обижайся, что Зона тебя обделила.

Барбридж всхлипнул еще раз.

– Да как же это... Мой Арчи... Сынок...

Он переводил растерянный взгляд с одного лица на другое, словно ища поддержки у посетителей бара. Но во взглядах людей не было сочувствия.

– Выбирай, старик, – проговорил Билли Треска. – Не тяни kota за хвост. Сын – или твои лапы. Что может быть проще?

– Да... Да пошли вы все! – вдруг выкрикнул Барбридж, проворно вскакивая на ноги. – Чтоб вы все сдохли!

И ринулся к выходу.

Никто ему не препятствовал. Напротив, люди расступились перед ним, словно боясь запачкаться об его новую куртку, совсем недавно купленную в одном из самых дорогих магазинов Хармонта.

2. Ричард Г. Нунан, 51 год, представитель поставщиков электронного оборудования при Хармонтском филиале МИВК

Ричард Г. Нунан вошел в приемную легкой походкой человека, не отягченного особыми заботами и полностью уверенного в завтрашнем дне. Умело раскрашенная секретарша нацелила было на него свои накладные ресницы, смахивающие на черные копыта, но, увидев пропуск, подписанный самим полковником, моментально сменила гнев на милость.

– Шеф ждет вас, – растянула она накрашенный рот в тренированной улыбке.

– Премного благодарен, – слегка поклонился Ричард, открывая ореховую дверь с золотой ручкой. – Ваш шеф, вероятно, счастлив иметь такого командующего гарнизоном. С вами его крепость в полной безопасности.

– Ну что вы, – расцвела секретарша. – Это так мило...

– В следующий раз с меня шоколадка, – заговорщически подмигнул Нунан.

...Хозяин кабинета сидел за тяжелым столом, сработанным из того же материала, что и дверь кабинета, и, как все начинающие большие чины, усиленно делал вид, что работает. Перед ним лежала заранее раскрытая папка, над которой он склонился с видом человека, находящегося на грани потрясающего открытия. Может, так оно и было на самом деле, а возможно, так посетителю лучше были видны новенькие зеленые погоны с серебряными орлами.

– Кхм, – сказал Нунан. – Гхм.

Хозяин кабинета оторвал взгляд от папки и уставился на Нунана. По его желчному лицу скользнула тень легкой досады, которая, впрочем, тут же сменилась сухой официальной улыбкой.

– Рад видеть вас, мистер Нунан.

– Взаимно, полковник Квотерблад, – кивнул Ричард. – Пользуясь случаем, хотел вас поздравить со столь стремительным повышением.

– Благодарю, – слегка кивнул хозяин кабинета. – Признаться, я и сам не ожидал такого взлета по служебной лестнице. Подумать только, за заслуги перед народом и Отечеством... Впрочем, я пригласил вас не для того, чтобы обсуждать эпизоды моей карьеры. Прошу вас, присаживайтесь.

Нунан опустил в кресло напротив стола, закинул ногу на ногу и скрестил пальцы на животе.

– Если позволите, перейду сразу к делу, – сказал полковник, доставая из хьюмидора толстую сигару, похожую на отрубленный палец великана. Ричард слегка поморщился. Он не

любил дыма поддельных гаванских сигар, которые крутят негры на юге из листьев дешевого табака.

«Сразу к делу» не получилось. Последовала минутная пауза, пока Квотерблад раскуривал коричневый цилиндр, очевидно, давая посетителю понять, кто в кабинете хозяин. Нунан терпеливо ждал.

– Так вот, – сказал наконец полковник, выдохнув заодно облако сизого дыма. – Господин Лемхен рекомендовал мне вас как самого способного и осведомленного сотрудника Федерального бюро разведки, работающего под прикрытием.

Брови Ричарда слегка приподнялись.

– Не удивляйтесь, – хмыкнул полковник. – Время игр в шпионов закончилось. Теперь порядок в Хармонте будут наводить не ооновские патрули, а регулярная армия. В последнее время все стало слишком серьезно. Вернее, в последний день.

Нунан кивнул. Когда ситуация становится критической, правительство умеет реагировать быстро и четко. Особенно если дело касается государственной финансовой системы.

– И поскольку вы постоянно находитесь в самом центре событий, я бы хотел услышать от вас устный доклад о положении дел в Хармонте. Никаких записей, все с глазу на глаз. Кабинет полностью защищен от прослушивания. При этом мне крайне важен ваш личный взгляд на последние события, так сказать, беспристрастный анализ человека, постоянно держащего руку на пульсе.

– Иными словами, вы хотите, чтобы я дал вам рецепт оптимального лекарства от болезни? – усмехнулся Ричард.

– Лекарство у нас есть, – жестко произнес полковник. – Более чем оптимальное. Скажем даже, радикальное. Но я сам прожил в Хармонте много лет и не хотел бы, чтоб город стерли с лица земли ракетным ударом, а после рассказали по ящику очередную ужасную историю о террористах. Надеюсь, вы понимаете, насколько все серьезно?

Сцепленные на животе пальцы Нунана слегка хрустнули, хотя на лице агента не отразилось ничего. Шутки действительно кончились. За один-единственный день поток денег из Хармонта во внешний мир превысил все мыслимые показатели, и правительство, похоже, решило перекрыть его любыми доступными способами. Хорошо, хоть для начала решило выяснить причину, а не рубануло с плеча. Хотя могло...

– Вы слышали о Золотом шаре? – спросил Ричард.

Квотерблад пожал плечами.

– А еще я слышал о Санта-Клаусе и ковре-самолете. Это просто очередная сталкерская байка, которых в Хармонте как кошек на улицах после полуночи...

– Ваш старый знакомый, Рэдрик Шухарт, нашел Золотой шар, – ровно произнес Ричард Нунан. – Он пересек кордон с «отмычкой», молодым парнем, фактически предназначенным в жертву Зоне. Так вот, перед тем, как этот парень шагнул в «мясорубку», он произнес странную фразу: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» Эту же фразу повторил Шухарт перед Золотым шаром, причем в состоянии сильного стресса. Все это произошло позавчерашней ночью. А вчера в Хармонте началось повальное исполнение желаний, в том числе в ваш департамент пришла бумага о присвоении капитану Квотербладу чина полковника за заслуги перед народом и Отечеством, а также о назначении его комендантом форта Ассинибойн с гарнизоном в семьсот пятьдесят человек. Кстати, позвольте полюбопытствовать, какие такие у вас исключительные заслуги, за которые можно перепрыгнуть через два звания?

Полковник поперхнулся дымом и уставился на Нунана. Похоже, как и все военные, он был уверен, что где-то наверху его карьеру злостно зажимали все эти годы. Но наконец справедливость восторжествовала, что-то сдвинулось в неповоротливой бюрократической машине, и все стало на свои места.

– Признайтесь, вы ведь всю жизнь мечтали о таком кабинете, – сказал Ричард, обводя взглядом стены просторного помещения. – А люди в Хармонте преимущественно мечтали о больших деньгах. В результате за один день в городе стало в сотни раз больше денег, чем товаров, и там, наверху, вполне обоснованно полагают, что вот-вот зеленая денежная масса хлынет через край, спровоцировав чудовищную инфляцию в стране. Я ничего не упустил?

– Продолжайте, – прохрипел Квотерблад. Ему явно не хватало воздуха, и отнюдь не фальшивая гаванская сигара была тому причиной.

– Извольте, – кивнул Нунан. – Когда финансовая система в опасности, лучше пожертвовать тысячей-другой жизней, лишь бы деньги остались целы. Так было, так есть, так будет. Как я понимаю, сейчас ракетные комплексы уже нацелены в сторону Хармонта, и люди с большими полномочиями лишь ждут вашего сигнала, чтобы нажать красную кнопку. Но вы точно знаете, что, уничтожив город вместе с жителями, вы кардинально решите проблему?

– Потому я и вызвал вас, – нервно пожал плечами Квотерблад. – Признаться, мне не очень хочется покинуть этот кабинет и объявлять срочную эвакуацию подчиненных мне подразделений – от города до форта всего шесть миль, что не спасет крепость от ядерного удара, и уж тем более – от его последствий. Но если другого выхода не будет, то мне придется применить крайние меры, хочется мне этого или нет.

– Понимаю, – кивнул Ричард. – Погоны с орлами как прилетели, так и слететь могут. Что ж, попробую прояснить ситуацию. До сих пор никто так и не понял, что такое Зона. А сейчас Рэдрик Шухарт выпустил джинна из бутылки. В результате, как я понимаю, весь Хармонт стал частью Зоны. Но кто даст гарантию, что ракетный удар не даст Зоне необходимую энергию для расширения? Я уже звонил доктору Пильману. Нет, нет, не делайте такие глаза, я не идиот. Я лишь спросил у него, реально ли, что при наличии мощного источника энергии, поступающей извне, Зона начнет расширяться? Так вот, Пильман не исключает такой возможности.

– Вот черт! – прорычал Квотерблад, с яростью гася сигару в пепельнице. Сейчас он полностью взял себя в руки и был готов рвать, метать и плющить. – И почему я не засадил этого сталкера на десяток лет? Прокурор же мой старый друг, присяжные даже не вякнули бы... Но черт с ним, с этим Шухартом, дело не в нем. Ведь вы говорите, что он попросил счастья для всех! Стало быть, не исключено, что с минуты на минуту Зона начнет исполнять желания каждого придурка на планете. Так не лучше ли все-таки рискнуть и попробовать одним ударом решить проблему?

Нунан покачал головой.

– Я сопоставил факты. Исполнились желания только тех людей, которых Шухарт знал лично, причем эти люди должны были находиться недалеко от Зоны. Я уже послал запросы и даже получил ответы. У его товарищей по тюрьме счастья в жизни не прибавилось ни на йоту.

– Так что вы предлагаете?

Ричард призадумался на мгновение, потер пальцем бровь, после чего сказал:

– Я предлагаю возвести единый надежный кордон не только вокруг Зоны, но и вокруг Хармонта. Сделать нечто вроде индейской резервации, типа той, что построили неподалеку в начале прошлого века для племени чиппева, только на современный лад. Вышки, кордоны, блокпосты, колючая проволока и все такое. Вы и так уже запретили жителям эмиграцию, думаю, они не заметят особой разницы. Объявите жесткий карантин, скажите, что это временные меры. Никому не обязательно знать, что эти меры приняты навсегда. Не только у сталкеров, но уже и у простых жителей Хармонта рождаются чудовищные дети. Горожане меняются – незаметно, постепенно, но процесс идет довольно давно. Думаю, настало то время, когда Зона и Хармонт стали единым целым. Пора их объединить официально. При этом у ученых появится гораздо больше материала для исследований, а у жителей Земли – надежд на дармовое счастье, которое, возможно, когда-нибудь придет к ним из Зоны.

– Исследования на людях...

Квотерблад потер взмокший затылок.

– Да вы еще большее чудовище, чем я, Ричард Герберт Нунан.

– Я просто делаю свою работу, – спокойно ответил секретный агент, поднимаясь с кресла. – И, между прочим, я только что спас целый город вместе с его жителями. Я вам больше не нужен, полковник?

– Да, можете идти, – вяло махнул рукой Квотерблад. – И спасибо. Честно говоря, не хотелось брать грех на душу.

– Пожалуйста, – кивнул Нунан. – Если соберетесь еще куда-нибудь запустить пару-тройку ракет, звоните, я подъеду.

Он повернулся, сделал несколько шагов, взялся за золотую ручку...

– Послушайте!

Ричард обернулся.

– Я забыл спросить. Ведь вы хорошо знаете Шухарта. Скажите по секрету, а какое счастье свалилось на вас? Деньги? Красавица-любовница? Новая машина?

Нунан пожал плечами.

– Поверите ли – никакого, – ответил он. – В моей жизни ничего не изменилось. Наверно, я просто не умею мечтать и потому абсолютно счастлив.

И вышел из кабинета.

3. Рэдрик Шухарт, 31 год, сталкер

Он сидел за столом и смотрел на свое счастье. На то самое счастье, о котором он втайне мечтал восемь лет назад, в тот день, когда вместе с Кириллом Пановым отправлялся в Зону. На свой сбывшийся сон, что снился ему в тюрьме два долгих года почти каждую ночь. На сокровенное, запрятанное в душе у каждого человека, если хорошенько отмыть грязь, которая там накопилась.

На столе стояла пустая четвертинка и стакан, наполненный до половины. Еще на столе были расставлены глубокие тарелки с густым супом, банка с кетчупом, корзинка с хлебом, нарезанным крупными ломтями, а на плите дожидалась своего часа самая большая сковородка, в которой под тяжелой чугунной крышкой томилось мясо с бобами.

Радиоприемник, висящий на стене, бодро передавал новости. «На следующей неделе ожидается незначительное похолодание... Корпорация «Этак» объявила о снижении цен на свою продукцию... Вчера была достигнута договоренность с правительством Украины о взаимных исследовательских работах в аномальных зонах. Группа ученых Международного института внеземных культур собирается выехать в район города Чернобыль для работы в зоне отчуждения...»

Отец ел обстоятельно, то и дело вытирая губы ломтем хлеба, а потом кусая мокрый край желтыми прокуренными зубами. Рэдрик знал – сейчас он доест, вытрет тарелку коркой, бросит ее в рот, сыто рыгнет и проревет на весь дом: «Мария! Заснула?»

И тогда из-за стола встанет его восьмилетняя внучка. Мартышка... Хотя нет, уже не Мартышка, а Мария. Мартышки больше не было. Не было ребенка, похожего на лохматую обезьянку с настороженно-потусторонними черными шариками в глазницах. Просто нормальная девочка, без малейших следов бурой шерсти на теле, с глазами цвета утреннего тумана наложит деду полную тарелку второго и хитро улыбнется, когда тот крякнет: «Эх, под такое еще б одну четвертинку, а?» Просто встанет и поухаживает за своим родным дедом, еще крепким стариком, ничуть не похожим на живой труп с безгубым, ввалившимся ртом и остановившимися глазами.

Шухарт знал – все будет именно так и никак иначе. Потому что именно эту сцену он представлял все эти годы. Думал о том, как было б хорошо, если бы... Если б вот так, по-человече-

ски, за столом, с самыми близкими на свете существами. Чтоб отец был жив, по-настоящему жив. Сидел себе за столом и ел, как тогда, в далеком детстве. Чтоб Мартышка стала нормальной девочкой, а не жутким порождением Зоны. И чтоб жена не боялась свекра и собственного ребенка, которые так страшно кричат по ночам, сидя на своих постелях – длинно, скрипуче, с клокотанием, словно переключаясь с другими потусторонними порождениями Зоны, незримо бродящими в темноте за периметром.

Но Гута все равно боялась. Пожалуй, даже больше, чем раньше. Сейчас она сидела в углу на табуретке и нервно курила, не замечая, как падает пепел от сигареты на подол ее платья.

И ее можно было понять.

Рэдрик поднялся со стула, подошел к жене и попытался погладить ее по голове – так же, как раньше. Но не получилось. Она не отстранилась, но страх на ее лице сменился едва заметной гримасой брезгливости. И Шухарт понял – не надо. Сейчас точно не надо. А может, и никогда больше не нужно пытаться гладить по голове эту женщину, которой он незаслуженно принес столько горя.

– Уже второй день, – еле слышно прошептала она. – Скажи, ты представлял себе что-то другое? Хоть что-нибудь? Может, как Мартышка бегает во дворе, играет с детьми, как отец мастерит что-нибудь или хотя бы спит?

Рэдрик покачал головой.

Наверно, каждый человек мечтает очень узко и примитивно. Если гора золота, то непременно в середине комнаты, а не где-нибудь в углу. Если новая машина, то обязательно роскошный черный гроб на колесах. Если любовница, то сто процентов нереальная красавица с обложки журнала, которая в жизни непременно окажется редкостной сукой, а в постели – холодным бревном, как, например, та же Дина Барбридж.

Вот и он мечтал, как все. И домечтался... Видимо, если Зона хочет наказать, то она исполняет самое сокровенное желание. Вот и любуйся теперь на свою мечту, созерцай, блаженствуй, кайфуй от того, как две заведенные куклы вживую прокручивают тебе сценарий, которым ты грезил столько лет. Непрерывно. Отец выпивает, ест суп, потом орет точь-в-точь как тогда, в далеком детстве Рэдрика Шухарта. Дочка подходит к плите, накладывает ему мясо с бобами, он снова ест. Когда же тарелка опустеет, они оба улыбнутся, отец потреплет Марию по макушке, а та положит ему голову на плечо. Посидят так с минуту, а потом все начинается сначала. И если в четвертинке и тарелке ничего нет, то отец работает ложкой вхолостую. Можно убрать тарелку, но ложку он не отдаст. Она словно приросла к руке. Рэд пытался забрать – не вышло. Когда нет реквизита, театр работает как может...

Сейчас время обеда, поэтому все идет по-настоящему. Гута не может не накормить родню, так уж она устроена. Впрочем, не исключено, что отца и Мартышку можно и не кормить. За два дня никто из них ни разу не испражнялся. Такое впечатление, что еда просто исчезает, словно они кормят не живые существа, а самую ненасытную Зону, в которую, словно в бездну, проваливается все – еда, человеческие жизни, живые души... Но Гута не может. Поэтому сейчас они поедят, а потом начнется страшное.

– Больше всего я боюсь, когда она подходит к плите, а на ней нет сковороды. Тогда она начинает кричать так же, как раньше, по ночам...

Плечи Гуты затряслись, недокуренная сигарета упала на пол. Рэд незаметно затушил ее каблуком.

– Сделай что-нибудь. Сходи еще раз в Зону к этому своему Золотому шару, попроси его. Пусть он вернет все как было... Люди в Хармонте считают тебя чуть ли не богом. Так сотвори чудо еще раз, но уже не для всех, а только для себя, меня, дочери и своего отца...

Шухарт скрипнул зубами. Одно дело блефовать в «Боржче», выводя Барбриджа на чистую воду, и совсем другое реально вернуть все как было. Не получится как было, да и не нужно это. Хватит обманывать. Всю жизнь врал, а себе – особенно. Они с Гутой родили

ребенка, который изначально принадлежал не им, а Зоне. И не отец вернулся домой, а муляж, как выражаются ученые, «реконструкция по скелету». Кусок Зоны, обросший вокруг мертвых костей и поднявший их из могилы. Он, Рэд Шухарт, впустил Зону в себя, а потом впутал в это любимую девушку, ставшую его женой. И сейчас в полной мере получает свое счастье, выпрошенное у Зоны.

– Давай уедем, – сказал Рэд. – Просто соберем вещи и уедем. Это не твой ребенок и не мой отец. И никогда они ими не были.

– Куда уедем? – бесцветным голосом спросила Гута.

– Куда угодно. Хоть на край света, хоть в Украину, лишь бы подальше отсюда. Если про этот Чернобыль по радио говорят, значит, он где-то есть, верно?

– А они?

– Я уже сказал. Очнись, Гута, как я очнулся. Есть ты, есть я. А это не твоя дочь и не мой отец, который умер много лет назад. Это Зона, которая пришла к нам в дом...

Жена опустила голову.

– Ты можешь уезжать, Рэд Шухарт, – глухо произнесла она. – Беги, как ты бегал всю жизнь от меня, от дочери, от себя самого. Только Зона не отпустит тебя, помяни мое слово.

– Гута!

– Я все сказала. Сделай так, чтобы мы больше никогда тебя не видели. Ты приносишь деньги, которые пахнут смертью. Ты приносишь счастье, которое хуже самого страшного горя. Уйди из нашей жизни. Я никогда тебя ни о чем не просила, а сейчас прошу. Пожалуйста.

– Гута...

– Нет. Уходи. И больше не возвращайся.

Шухарт взглянул в глаза жены – и невольно отшатнулся. В глазах Гуты серым туманом клубилась Зона. В ее глазах, которые он так любил целовать, которые тоже снились ему по ночам... Зона забрала его семью, взамен подарив счастье, о котором он ее попросил. Одно большое счастье, одно на всех...

Рэд повернулся, снял с вешалки куртку, вышел на лестничную площадку, плотно прикрыл за собой дверь и запер ее на ключ. А потом уперся лбом в потертый дерматин над замочной скважиной и ноздрями, всем телом, всем существом своим, кусая до крови губы, принялся впитывать в себя запах дома, которого у него больше не было.

Справа послышались шаги, кто-то поднимался по лестнице. Рэдрик оторвался от двери и повернул голову.

Всегда недовольное, помятое личико управляющего сейчас было искажено страхом, замешанным на решимости загнанной в угол крысы.

– Я принес вам постановление о выселении... В вашей квартире творится черт знает что, и я...

Рэд Шухарт взял управляющего за ворот и резко толкнул. Мясистая спина глухо чавкнула, шмякнувшись об стену. Сталкер неторопливо взял толстяка за шею, вытащил из-за ремня пистолет и приставил ствол ко лбу управляющего.

– Запомни, сволочь, – негромко произнес Рэд. – Что бы ни случилось, никто и никогда не откроет эту дверь. До тех пор, пока дом не рухнет от старости. Иначе я вернусь и найду тебя. Даже если ты вздумаешь убежать на край света, я все равно найду тебя и пристрелю как собаку. В гараже стоит машина с фальшивым бензобаком, в нем контейнер. Отнесешь его в «Метрополь» Хрипатому Хью. За то, что лежит в контейнере, он обещал любую сумму, которая уместится на листке чековой книжки, так что оплаты за квартиру хватит примерно на двести лет и еще останется очень много. Только не вздумай открыть этот контейнер, потому как это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни. Вопросы есть?

– Н-нет...

– А еще ты будешь каждый день носить и складывать под дверь мясо, масло, картошку, бобы и хлеб. Все очень просто. Пришел, позвонил и ушел. Если никто не возьмет продукты, на следующий день ты заменишь вчерашние на свежие. Все понятно?

– Д-да... Конечно, м-мистер Шухарт, я все сделаю...

– Вот и хорошо.

Управляющий дрожал как осиновый лист, по его лицу катились крупные капли пота. Сталкер убрал пистолет, засунул его обратно под куртку и не спеша спустился вниз по лестнице.

Рэдрик вышел из подъезда и остановился. Во дворе гудела небольшая толпа, человек пятнадцать-двадцать. Люди нерешительно топтались на месте, почти все курили, сплевывая себе под ноги. Плохой симптом. Обычно люди ведут себя так, когда сильно нервничают. А нервная толпа может многое, но ничего из этого многого хорошо не заканчивается.

Завидев Шухарта, многие отвели глаза. Но не все. Рэд мгновенно выделил из толпы зачинщика с глазами цвета утреннего тумана.

– Привет, сталкер, – выкрикнул зачинщик, делая шаг вперед.

– И тебе не кашлять, Рябой, – сказал Шухарт. – Чем обязан?

– Твое дармовое счастье для всех повернулось боком, – заявил сталкер, засовывая обе руки в глубокие карманы камуфлированных штанов. – От нас больше никто не берет ни денег, ни золота. В городе продукты кончаются, а торговцы разводят руками – поставщики отказываются иметь дело с жителями Хармонта. Вчера ооновцы перекрыли все дороги, выпускают в город и выпускают обратно только по спецпропускам. Что ты на это скажешь, Рыжий?

Рэд вздохнул, поднял голову и посмотрел на небо. И зачем он спьяну рассказал обо всем в «Боржче»? Люди просили – он и рассказал. Захотел почувствовать себя богом? Ну и как оно? Хреново, честно говоря, особенно когда теряешь все, что тебе было дорого, а вчерашние почитатели вот-вот собираются разорвать тебя на части. Да уж, трудно быть богом, не замарав рук в крови. Но иначе никак. Иначе твои собственные руки рано или поздно окажутся прибитыми к кресту.

Слов не требовалось. И так все было понятно. Но он все-таки сказал:

– Не называй меня Рыжим, сталкер, не люблю. И, если честно, пошел бы ты в «ведьмин студень» вместе со своей осчастливленной пристяжкой.

В следующую секунду руки Рябого вылетели из карманов, словно подброшенные спрятанными там пружинами. Но Шухарт оказался быстрее. Армейский «Кольт» глухо гавкнул, словно разозленный ротвейлер, и Рябой со всего маху грохнулся затылком об землю, расплескав по ней изрядное количество мозгового вещества, добросовестно взбитого экспансивной пулей.

Толпа прынула в стороны, с ужасом глядя на труп, раскинувший руки, в каждой из которых было зажато по метательному ножу. На поверхности обоюдоострых клинков пузырилось что-то зеленоватое, похожее на «газированную глину», нанесенную тонким слоем.

– Кто следующий? – равнодушно спросил Шухарт.

Плевать, что в «Кольте» больше нет патронов. Во-первых, толпа об этом не знает, все смотрят не на затворную раму, отъехавшую назад, а на Рябого, умершего так быстро и неожиданно. Во-вторых, если кинутся, то первого попавшегося он точно загрызет зубами. Вцепится в горло и не отпустит до тех пор, пока тот не перестанет дышать. Такое уж у него, Рэда Шухарта, сейчас настроение.

Но следующего не нашлось. По одному, по двое толпа начала стремительно рассасываться. Остались только человек пять наиболее впечатлительных, которых вид трупа вогнал в жесткий ступор. Но и те вздрогнули и обернулись, когда проезжавший мимо сквера на велосипеде парень заорал благим матом:

– Чего встали? Военные город оцепили, заграждение ставят! Давайте все на площадь, пойдём к мэрии, будем требовать ответа у властей, что все это значит!

Через полминуты сквер был пуст, но Шухарт этого уже не видел. Он быстро шел дворами в сторону юго-западной окраины города, где в самом конце Горняцкой улицы стояла старая будка телефона-автомата. Хрипатый клялся, что в прошлый раз ничего не тронул, кроме фарфорового контейнера с «ведьминым студнем». Что ж, ему можно верить. Когда дело касается больших денег, Хрипатый Хью не разменивается на мелочи.

Дойдя до старого, заброшенного пруда, Шухарт достал «Кольт», вытер его о полу куртки и осторожно взялся за спусковую скобу, собираясь швырнуть пистолет на самую середину большой зловонной лужи. Украденное погибшим Артуром оружие Барбриджа, пустое, как его хозяин, и так же, как Стервятник, помеченное смертью, было больше не нужно Рэду. В тайнике под будкой сталкера ждал точно такой же «Кольт» вместе с оцинкованной коробкой, набитой патронами, мешочком с «браслетами» и старым бумажником, в котором лежат поддельные документы на имя какого-то Боба с трудно выговариваемой фамилией. Новый пистолет, новые документы, новое имя и новая жизнь. Другая жизнь. В которой никогда уже не будет простого человеческого счастья, что он однажды нашел и так неосмотрительно потерял – теперь уже, наверное, навсегда...

Но потом Рэд Шухарт подумал, что за два года пистолет мог проржаветь насквозь, как и репутация Хрипатого Хью, а в случае чего тяжелая железка в кармане – это не только второй кастет, но и неслабый психологический фактор. Если поймут, то по-любому за убийство Рябого тюрьмы не миновать, так что пусть пока что «Кольт» Стервятника прогреется под курткой. Может, на что и сгодится.

4. Стервятник Барбридж, 52 года, сталкер

Есть такое странное выражение: не знал, плакать или смеяться. Глупое выражение, если честно. Человек обычно либо плачет, либо смеется, и знать для этого ничего ему не надо. Как сказал бы доктор Валентин Пильман, что последнее время постоянно вещает по радио, «это две произвольные реакции организма, не зависящие от желаний индивида».

Но Стервятник Барбридж и правда не знал, что ему делать. Переведешь взгляд на увешанную оружием стену, где под двумя перекрещенными ножами «Боуи» висит портрет сына с черной ленточкой – и слезы сами собой катятся. А глянешь вниз – и смех разбирает. Вот они, ноги, которые Зона отняла два с половиной года назад, а сейчас вернула целехонькими. Правда, с процентами вернула. Со страшными процентами по милости одного рыжего уroda, которого, была бы воля, удушил собственными руками. Как подумаешь о том, кто увел Артура к Золотому шару и использовал в качестве «отмычки», слезы вновь сами наворачиваются. Но на этот раз злые слезы, замешанные на яростном скрежете оставшихся зубов.

Но сидеть в комнате, то рыдая, то ухохатываясь от счастья, занятие утомительное. И на второй день оно Стервятнику изрядно надоело. Осознав, что так недолго и рассудком тронуться, старый сталкер подошел к бару, открыл его, подумал недолго, после чего, игнорируя бокалы, взял квадратную бутылку с загадочной надписью «Old No. 7» и выпил ее всю прямо из горла.

Совершив это нехитрое действие, Барбридж швырнул пустую бутылку в угол, помотал крупной головой, словно бык, получивший бейсбольной битой между рогов, и заорал зычно, во все горло:

– Мальтиец, ты здесь?

Дверь в комнату немедленно открылась.

– Чего изволите, хозяин?

Верный телохранитель Креон Мальтиец, похоже, все это время просидел на диване в коридоре, никого не допуская к начальству. Это хорошо. Значит, никто в «воскресной школе» не узнает, как босс целые сутки сходил с ума. Не дай Зона, еще подумают, что старик съехал с катушек и пора прикинуть, кто бы мог его заменить.

– Передай всем, мы выезжаем.

– В Зону? – осведомился Мальтиец.

– Нет, не в Зону, – сказал Барбридж, снимая со стены автомат Томпсона с лакированным прикладом из красного дерева. – У меня есть один должок в Хармонте, и пора его отдать. Сполна отдать, понимаешь?

Креон осуждающе покачал головой.

– Не стоит сейчас соваться в город, босс. Вояки перекрывают все дороги...

– Мне плевать, что там делают «голубые каски»! – прорычал Стервятник. – Полтыщи баксов – и любой патруль сделает вид, что мы сотканы из прозрачного горного воздуха!

Но, к удивлению Барбрिджа, Мальтиец, привыкший беспрекословно выполнять приказания босса, остался стоять на месте.

– Это не ооновцы, – сказал он. – И не полицейские патрули. Вчера Гундосый Гереш тайком побывал в городе и принес дурные вести. Похоже, правительство всерьез занялось Хармонтом и прислало регулярные армейские части. За каким хреном – не знаю. Но думаю, что еще сутки – и в город даже мышь не проберется. Поэтому лучше нам всем сниматься с Рексополис и побыстрому делать ноги. Так все ребята думают...

Стервятник сделал два шага, приблизившись к телохранителю вплотную.

– А мне плевать, что вы там себе думаете! – выдохнул он, обдав Мальтийца запахом отличного виски, замешанным на вонючих кариозных зубах. – Хотите сваливать – валите к чертям, никто вас тут не держит. Вот только хрен ты Динку еще раз увидишь, понял? Это я тебе говорю. Отправлю ее на острова, замуж выдам за какого-нибудь хлыща лощеного с виллой и чемоданом зелени, может, хоть внуки нормальные родятся. С моими деньгами плевал я на закон об эмиграции, и на ооновцев плевал, и на полицию с армией. А поможешь мне прищучить Рыжего, тебе отдам сучку. Хочешь, женись на ней, хочешь, так трахай – твое дело, слова не скажу. Только не калечь и не убивай, хватит мне Арчи моего, невинно загубленного. Ну, что скажешь?

Слегка побледневший Мальтиец прикусил губу.

– Ты хочешь убить Шухарта?

– Хочу, – сказал Барбридж, нехорошо ослабившись. – Так только ноги свои обратно хотел. И детей, которых у Зоны выпросил. Только вот Артура больше нету у меня. И теперь я успокоюсь, только когда Шухарту самолично мозги вышибу. А там и сваливать можно. Денег всем хватит, не зря мы полгода Зону как через решето просеивали.

– Добро, – кивнул Креон. – Я пойду с тобой, босс. Сейчас ребятам скажу, чтоб сворачивали базу и готовили вертолет. А Дину твою я в жены взять хочу, мне по-другому не надо. И сам голову оторву любому, кто попытается ее обидеть.

– Вот это слова Мальтийца, которого я знаю, – вновь ощерился Барбридж, хлопнув сталкера по плечу. – Ну, что ж, давай, зятек, сделаем все по-быстрому.

* * *

Полуразрушенное здание бензоколонки в конце Горняцкой улицы было идеальным местом для засады. А местность вокруг – идеальной для убийства. В заколоченных домах, сиротливо стоящих вдоль улицы, словно нищие оборванцы, уже много лет никто не жил. Люди уехали отсюда задолго до запрета на эмиграцию и, как выяснилось, оказались намного дальне-

виднее оставшихся. Дальше к югу расстился огромный пустырь бывшей городской свалки, в изобилии поросший бурьяном и большими, колючими кустами.

– Там и закопаем, – прошептал Барбридж, поудобнее пристраивая ствол автомата меж двумя кирпичами раскрошившегося от времени подоконника.

Мальтиец покосился на босса, но ничего не сказал.

Прошло минут двадцать томительного ожидания. Тишина давила на уши, каждая прошедшая минута казалась часом. Если в городе и были какие-то волнения, сюда, на давно заброшенную юго-западную окраину, не доносилось ни звука.

– Как на кладбище, – проворчал Стервятник, потирая затекшую ногу. – Даже ветра нет. Повеяло все напрочь.

– Зона, – коротко отозвался Мальтиец.

– Что Зона? – не понял Барбридж.

– Зона уже пришла в этот район, – сказал Креон. – Она расширяется. Я говорил, что вчера вечером Гундосый Гереш был в городе. Так вот, он зашел в «Боржч», разговорился там с Бобом Гориллой. И тот сказал, что, мол, не было никакого Посещения. Это ученые сами все намутили со своими экспериментами, а потом придумали историю про пикник пришельцев со звезд, чтоб как-то объяснить появление Зоны. А тех инопланетян и не видел никто сроду.

– Не говори ерунду, – поморщился Стервятник. – Боб Горилла сказал, как же. Да он сгинул в Зоне еще до того, как ты в город приперся искать себе приключений на пятую точку.

– Они все вернулись, – равнодушно сказал Мальтиец. – Во всяком случае, вчера они еще были в городе. И Боб, и Слизняк, и Норман Очкарик, и Каллоген. Все, кто сгинул в Зоне. Живые. Только Гереш заметил, что глаза у них у всех какие-то одинаковые. А в остальном – обычные люди.

Барбридж уставился на Мальтийца, осознавая сказанное. Когда Стервятник узнал, что Арчи погиб, а его убийца сидит в «Боржче», то в голове у него конкретно перемкнуло. Ничего вокруг не видел, одно желание было – разозжить голову Рыжему. Но увидел ствол пистолета и глаза Шухарта над тем стволом – и испугался. Еще неизвестно, чего больше. Словно Зоной дохнуло из тех глаз, той самой, что хуже смерти, с «ведьминым студнем» и другими кошмарами. Как из бара вылетел, как на улице оказался, теперь не вспомнить. А вот лица тех, что были тогда в «Боржче», вдруг встали перед глазами как один. Все до одного. Знакомые, молодые лица самых первых сталкеров, чьи кости давно сгнили за периметром...

– Он идет, – сказал Мальтиец, и Барбридж, отвлекшись от своих мыслей, посмотрел в конец улицы.

Это действительно был Рэд Шухарт. Сталкер шел быстро, как человек, опаздывающий на работу или на свидание с любимой. Или как тот, кому до зарезу необходимо закончить какое-то очень важное дело.

Шухарт поравнялся с телефонной будкой, быстро огляделся по сторонам, после чего, убедившись, что за ним никто не наблюдает, навалился плечом на проржавевший остов. Будка покачнулась и завалилась на бок.

– Понятно, – криво усмехнулся Барбридж. – Больше тебе не нужен схрон, Рыжий. Это правильно. На том свете он тебе точно не понадобится.

Присев на корточки, Шухарт принялся копать в земле.

Стервятник приник к автомату и прицелился. Мальтиец ждал, жуя травинку, но очереди так и не последовало.

– В чем дело, босс? – поинтересовался Креон.

– Так не пойдет, – сказал Барбридж, вставая на ноги. – Перед этим я хочу увидеть его глаза.

– Плохая идея, – покачал головой Мальтиец. – В таких людей, как он, лучше стрелять издали.

– Может, ты и прав, – дернул щекой Стервятник.

Никому он не признался бы, что самый большой ужас в своей жизни пережил, когда увидел глаза Шухарта в «Боржче». Это не сталкер, это сама Зона глянула прямо в душу Барбриджу. И сейчас он понял – просто убить сталкера мало. Нужно увидеть эти глаза еще раз, а потом просто нажать на спуск. И тогда можно будет жить снова, зная, что раз и навсегда убил свой страх перед этим человеком... и перед Зоной. А потом можно уехать. Далеко, очень далеко. Уехать и все забыть. Да, надо сделать именно так. Потому что по-другому забыть не получится.

– Может, ты и прав, – повторил Барбридж. Потом пнул ногой гнилую дверь и направился к человеку, который все еще сидел на корточках возле поваленной телефонной будки.

Верный телохранитель Стервятника выплюнул травинку, подумал немного, смачно сплюнул еще раз и сунул в кобуру свой Commander. Совершив это нехитрое действие, Креон Мальтиец вышел в ту же дверь, но пошел не вслед за Барбриджем, а обогнул бензоколонку и направился в противоположную сторону.

Что будет дальше с Барбриджем и Шухартом, его уже не интересовало. Нормальному сталкеру, думающему о будущем, нет дела до прошлого. После того как у босса отросли ноги, в нем самом что-то сломалось. Будто проржавел и развалился пополам стальной стержень, благодаря которому старик создал и держал в кулаке «воскресную школу», тайную сталкерскую артель, два года успешно работавшую под носом у полиции и ооновцев. А сейчас Стервятник резко и, похоже, бесповоротно съехал с катушек, в связи с чем Мальтийцу предстояло сделать очень много важных дел. Надо было вернуться в Рексополис и поскорее сняться с насиженного места, пока их не накрыли армейские патрули. При этом по пути нужно успеть заскочить к Динке и сделать ей предложение, от которого она не сможет отказаться. И как только все они окажутся вне досягаемости армейских патрулей, необходимо будет срочно прикинуть с ребятами, чем заниматься дальше, и решить, кто бы мог заменить Барбриджа, возглавив обученную и хорошо вооруженную сталкерскую группировку.

* * *

– Потерял чего, Рыжий?

– Не называй меня так, – не оборачиваясь, сказал Шухарт. – Не люблю.

– Мне, знаешь ли, плевать, что ты любишь, а что нет, – сказал Барбридж, направив ствол автомата в спину сталкера. – Я вот сына любил. А теперь от него только черное пятно осталось. Из-за тебя. Так что пришло время заплатить, Рыжий.

– И откуда же ты знаешь, что от него осталось? – усмехнулся Рэдрик, медленно поднимаясь на ноги и так же медленно поворачиваясь. Если Стервятник говорит так нагло, значит, имеет на то основания. Поэтому резких движений делать не стоит.

– Я знаю, – сказал Барбридж, кусая губы. – И ты знаешь. Я многих «отмычек» туда отвел. Отбросов, не стоящих доброго слова. Только вот перед тем, как нафаршировать тебя свинцом, я спросить хочу. Почему Арчи? Почему мой мальчик, крепкий, красивый, образованный, а не какой-нибудь двуногий кусок мяса, которых в Хармонте пруд пруди? Почему он?

– А почему бы и нет? – усмехнулся Шухарт. – У этих двуногих кусков мяса, как ты выражаешься, тоже есть родители.

Барбридж скрипнул зубами. Его указательный палец уже выбрал половину слабины спускового крючка, оставалось только взглянуть в глаза Рыжему и додавить вторую половину...

– Хотя знаешь, не только поэтому, – добавил Рэдрик. – Меня все просили, всё ваше семейство. Ты упрашивал сходить к Золотому шару и вернуть тебе ноги. Арчи просил взять его с собой в Зону. Динка твоя тоже желание высказала, только не скажу, какое именно, – хватит с тебя смерти Артура. Так что я уважил всю твою семью, и грех тебе, Стервятник, на меня обижаться.

...Посмотреть в глаза... Просто глянуть – и двинуть пальцем. И все закончится. И можно уходить. И забыть...

Человек обычно чувствует опасность, такое уж он животное. Наверно, потому и выжили волосатые предки в первобытных лесах, что чуйка у них была лучше, чем у тех, кто на них охотился. Но Барбридж все-таки пересилил внутренний голос и поднял глаза.

И увидел Зону.

Но не серый туман, что плавал в глазах живых мертвецов, шатающихся возле домов, где они когда-то жили, а спокойные, равнодушные глаза сталкера, которому эта Зона покори-лась и чье единственное желание выполнила беспрекословно. Этого человека, спокойно сто-ящего перед ним, вырастила Зона, закалила до немыслимой твердости, сделала своей неотъ-емлемой частью... А однажды сталкер нашел сердце Зоны и заставил его биться так, как он того пожелал. Никто не мог ее заставить. Все, дошедшие до Золотого шара, только просили, а Зона играла с ними, как кошка с мышатами. Захочет – сожрет, захочет – отпустит. Изредка под настроение, когда сытая, может, даже позволит подобрать крошки возле своей миски. А Шухарт пришел и заставил. И сейчас в его глазах тоже отражалась Зона, но не так, как у тех, в баре, умерших и вернувшихся. По-другому. Сила там была. Настоящая сила, от которой на лбу выступает испарина, дрожат колени и подкашиваются новые, крепкие ноги...

Рэдрик сам не понял, с чего это старика Барбриджа так накрыло. Стоит, трясется, того и гляди пальцем шевельнет, а там и до беды недалеко.

Шухарт плавно ушел с линии выстрела, сделал скользкий шаг вперед, протянул руку и рванул автомат на себя, готовый тут же отпустить ствол, если старик невзначай дождет слабину спуска.

Но выстрела не последовало, и «Томми Ган» оказался в руках сталкера. Следующим порывом Рэдрика было треснуть старика прикладом в переносицу, а после дать контрольный в голову или, лучше, добить кастетом, чтоб не привлекать лишнего внимания. Но потом он передумал. Отсоединил барабанный диск и швырнул его в одну сторону, автомат полетел в другую. Так спокойнее будет. И как это он проворонил момент, когда старый хрыч зашел ему за спину? Увлекся разглядыванием изрядно отсыревших документов на имя Боба с дурацкой фамилией. И на старуху бывает проруха, как говорил покойный Кирилл Панов.

Увидев занесенный приклад, Барбридж инстинктивно прикрыл глаза. Но удара не последовало. Старик постоял немного и рискнул осторожно приподнять веки.

Шухарт деловито рассовывал по карманам содержимое своего схрона. От взгляда Барбриджа не укрылась рукоять пистолета, торчащая из-за пояса сталкера.

– Ты меня убить хотел, – сказал Барбридж.

– Хотел, – не стал спорить Рэдрик. – Но не убил ведь. Причем это уже во второй раз. Так что давай на этом разойдемся, Стервятник. Навсегда. Потому что в третий раз я могу не сдержаться.

Сказав это, Шухарт немного подумал, вытащил из-за пояса «Кольт» и протянул его Барбриджу.

– Забирай, – сказал сталкер. – Этот пистолет Арчи спёр у тебя, и получается, это все, что осталось от твоего сына. Не думай о парне плохо. Он взял его, чтоб в случае чего не мучиться.

– Зачем? – спросил Стервятник, принимая неожиданный подарок.

– Мой «Кольт» за два года проржавел насквозь и никуда не годится, но я думаю, что твой пистолет тебе сейчас нужнее, – сказал Шухарт. – Просто я тоже знаю, что такое терять детей. И не пытайся выстрелить мне в спину, он не заряжен.

Потом Рэд повернулся и быстрым шагом направился в сторону свалки. Правда, сделав десяток шагов, остановился, обернулся было, словно хотел еще что-то сказать, но передумал и через несколько минут скрылся в густом кустарнике.

* * *

На улицах Хармонта царило смятение. Те, кто не пошел на площадь митинговать возле здания мэрии, спешно собирали пожитки и, кто в одиночку, а кто целыми семьями, шли, бежали, ехали к границам города, надеясь успеть вовремя покинуть насиженные места.

Но их ждало разочарование.

Там, где еще не было возведено ограждение с колючей проволокой и сторожевыми вышками, дорогу перегораживали наскоро сколоченные рогатки. За ними маячили армейские броневики, ошестившиеся крупнокалиберными пулеметами, и люди в защитной униформе с автоматическими винтовками в руках.

На многих бронетранспортерах были установлены громкоговорители, из которых несся абсолютно одинаковый текст:

– Внимание! Граждане Хармонта! Убедительная просьба соблюдать порядок и сохранять спокойствие. Изоляция города – это лишь временная мера, принятая только ради вашей собственной безопасности. В ближайшее время вам будут даны подробные разъяснения о причинах, повлекших за собой столь серьезные последствия. Не подвергайте опасности свою жизнь и жизнь ваших близких, не пытайтесь покинуть город без специального разрешения. К тем, кто попытается нарушить карантин и проникнуть за периметр, будут применены самые суровые меры, вплоть до открытия огня на поражение.

...На улицах было не протолкнуться. Люди, отчаявшиеся вырваться из города, искали спасения в обществе себе подобных. То и дело там и тут возникали слухи, будоражащие и без того воспаленное воображение несчастных. Город обнесли кордоном, чтобы предотвратить новое Посещение, которое грядет с востока. Одноглазому Дику удалось пройти на Большую землю через систему канализации. Билла Треску пристрелили при попытке прошмыгнуть между армейскими постами. Живые мертвецы, которых вчера видели в баре, вдруг разом подевались куда-то. Может, ушли обратно в Зону, а может, просочились незаметно через оцепление и вырвались на Большую землю, на то ж они и сталкеры-ветераны...

Но Барбриджу было наплевать на слухи. Расталкивая встречных, он шел, не разбирая дороги, словно раненый носорог, ничего не видящий перед собой и плохо воспринимающий реальность.

– Я знаю, что ты хотел сказать мне напоследок, Рэд Шухарт, – бормотал Барбридж, подходя к обшарпанной двери «Боржча». – Я знаю... Счастье для всех, да? И чтоб никто не ушел обиженный? Это значит, что мой Арчи должен вернуться домой, ведь так? Какое еще у него счастье может быть, кроме как к отцу родному возвратиться? Я ж ему все дал. Жизнь, образование, здоровье. Плечи широкие, глаза, по которым девки по ночам плачут. Все для него у Зоны выпросил, на коленях вымолил возле того шара проклятого...

Стервятник перешагнул порог заведения, в котором знал все до последней мелочи. Здесь, возле этой грубо сколоченной стойки, прошла немалая часть его жизни. Сколько кружек пива и бутылок коньяка выпито, сколько зелененьких потрачено, сколько хабара продано, сколько историй рассказано. И новости сталкерские всегда в «Боржч» первыми доставлялись, свеженькими, прямо из Зоны. Не слухи и сплетни, а самая что ни на есть правда. Часто кровавая, страшная, но – настоящая. Так, может, и сейчас кто-то из завсегдатаев что-нибудь слышал про Арчи?

Но в баре было пусто. Впрочем, оно и понятно. Людям не до выпивки, когда на них нацелены пулеметы. И даже не до Зоны с ее кошмарными сюрпризами.

Только старуха Розалия сидела на стуле возле стойки, уронив седую голову на руки. Перед ней стояла большая бутылка, опорожненная наполовину, и пустой бокал со следами яркой старушечьей помады.

Барбридж удивился. На его памяти хозяйка «Боржча» никогда не употребляла свой товар, предпочитая делать на нем деньги. Что же с ней случилось сейчас? Вряд ли ее так подкосили известия об изоляции города. При любой власти, во все времена люди пили, пьют и будут пить, так что ей-то уж точно не о чем горевать в обнимку с бутылкой. Да и вообще, живая ли она? Или, опрокинув полпинты горячительного, отошла в лучший мир от счастья?

Стервятник подошел к стойке и осторожно потрогал старуху за плечо.

– Розалия... Слышь, Розалия. Ты живая или как?

Хозяйка «Боржча» шевельнулась и медленно подняла голову. На Барбриджа уставились красные, воспаленные, бессмысленные глаза. С полминуты старуха фокусировала зрение и, наконец разобрав, кто перед ней, проскрипела мерзким голосом:

– Какого черта ты приперся, Битюк? Тебе давно место в Зоне... вместе с теми, кого ты там угробил.

– Помолчи, женщина, о том, чего не знаешь, – угрюмо проворчал Барбридж. – Скажи лучше, не видела ли ты среди сталкеров моего Артура?

– Да пошел ты, Стервятник, – пьяно ухмыльнулась Розалия. – Иди у своего Золотого шара спроси, куда подевался твой сын.

подавив острое желание треснуть старую стерву бутылкой по голове, Барбридж вытащил из кармана пять зеленых бумажек и бросил их на стойку.

– Полкуска тебе хватит?

Несколько секунд старуха сидела, тупо уставясь на деньги, а потом жутко расхохоталась.

– Ты пришел купить правду, Битюк? Так же, как твой дружок купил счастье у Зоны для всех, и для меня в том числе? Так получай ее сполна. Они приходили снова. Все, понимаешь? Сегодня утром – все пришли. Только не живые и здоровые, как вчера, а мертвые. Счастье-то, похоже, оказалось временным. Все заявили, все до одного. У кого половина лица раздавлена, у кого с костей гниющее мясо свисает. Все пришли. Норман Очкарик, Пит Болячка, Каллоген, Пудель, Слизняк, Хлюст... Старые сталкеры, легенды Зоны, которые в ней свою смерть нашли. И Арчи твой пришел. И мой Эрнест. Я так хотела его увидеть – и увидела. У него рук не было, вместе с плечами оторваны. Он подошел и сказал: «Привет, Розалия. Налей-ка мне стаканчик». Так же сказал, как много лет назад, когда приходил уставшим с работы. Здесь, в баре, никогда не пил, и дома позволял себе немного, чисто для того, чтобы расслабиться. Так вот, я ему нацедила стакан, хоть руки тряслись, как под током, и в рот влила, на котором только половина верхней губы осталась. Понимаешь, Битюк? Я его из тюрьмы ждала со дня на день, а он вот таким ко мне вернулся...

– А что Арчи? – перебил ее Барбридж. – Что с Артуром моим?

– С Артуром? – переспросила старуха. – Да ничего с ним. Он тоже вместе со всеми пришел, тихий, будто бесплотный. И глаза словно изнутри светятся. А свет этот хороший такой, теплый. Сел в уголке, да так и сидел все время. Правда, остальные тоже не шумели особо. Пошатались по «Боржчу», пошуршали обрывками одежды, а потом все разом и ушли.

– Куда? – прохрипел Стервятник.

– Известно куда, в Зону. Мертвым место на кладбище. Зона эта всех нас похоронит, все в нее ляжем, даже если убежим из города. В нас она сидит, в печенках наших. Вот и Эрнест мой. Небось, далеко отсюда в земле лежал, а все равно пришел желание мое уважить. Потому что Зона с ним всегда была, и ни могильная земля, ни тюремная решетка для нее не преграда...

Дальше слушать пьяный бред хозяйки «Боржча» Стервятник не стал. Развернулся и, не прощаясь, вышел за дверь.

– Значит, ушли... Обратном в Зону, – бормотал он, бесцельно идя вдоль улицы. – Мертвые все. И Арчи с ними. Легенды Зоны... Только я к ним не пойду, не-еет. Барбридж не из таких. Барбридж пожелал – и ноги у него появились. Те, что Зона отняла. И дети. Такие, каких хотел.

Значит, если захочу, новых детей сделаю, лучше прежних. Найду молодуху на Большой земле и сделаю. Денег на жительство хватит. А Зона... Гори она огнем, та Зона!

* * *

Он лежал, вжимаясь всем телом в раскисшую землю. Накрапывал мелкий дождичек. Холодные капли противно заливались за шиворот, просачиваясь между воротником и капюшоном. Но дождь и грязь – это даже к лучшему. Во время дождя снижается видимость, а в грязь намного легче закопаться, нежели в твердую землю. Сейчас это было просто необходимо – зарыться как можно глубже и лежать неподвижно, пережидая, пока луч прожектора сместится подальше в сторону...

Даже когда в жизни человека происходит страшное, даже когда он сломлен ударами судьбы и разум его помутился, навыки войны все равно остаются с ним. Так же, как и раньше, он способен стрелять, скрываться и выживать в невероятно сложных ситуациях, когда другой, менее подготовленный, погибнет наверняка. Вот и сейчас Барбридж лежал, опустив голову в жидкую грязь и задержав дыхание. Потому что даже облепленное грязью лицо в луче прожектора может выглядеть как светлое пятно. Потому что любое движение зоркие армейские патрульные могут заметить, несмотря на дождливую ночь. Потому что прятаться и выживать Стервятника научила Зона.

Светлое пятно споткнулось о неподвижную спину сталкера, задержалось на мгновение и поползло дальше.

«Пятьдесят пять... пятьдесят шесть... пятьдесят семь...»

Когда ты не видишь ни черта, зная при этом, что сейчас прямо по тебе ползет смерть, лучше просто считать. Практический смысл от такого счета мизерный, но так проще пережить страшные секунды в ожидании пулеметной очереди. Просто так менее страшно.

Барбридж осторожно приподнял голову. Отлично! Теперь еще один рывок вон до той кучи кирпичей, неровным силуэтом маячившей впереди. Потом еще один – и он в ложине, за линией оцепления. А там – свобода. От этого проклятого города. От Зоны. И от себя самого. От мыслей, которые новые впечатления сотрут, как стирает ластик карандашную надпись. И от воспоминаний, которые поблекнут со временем и исчезнут, словно их никогда и не было.

Он резко поднялся и побежал, придерживая руками лямки увесистого рюкзака. Прежде чем отправиться в свой последний ночной рейд, Стервятник навесил самый солидный из своих схронов. Остальное можно и потом забрать, ведь будут же наверняка немногим позже экскурсии в оцепленный город для солидных господ. А если и не будут, у него хватит средств, чтобы подмазать тех, кто отвечает за такого рода развлечения. Так что всему свое время. А сейчас просто нужно добежать до кучи кирпичей и переждать за ней еще один луч прожектора.

Барбридж заранее проложил маршрут по старой карте Хармонта и его пригородов. На взгляд новичка, возможно, излишне подробной карте. Но любой сталкер знает: при просчитывании маршрута любая мелочь – на вес золота. Как, например, сейчас вот эта наполовину занесенная мусором куча битого кирпича.

Несколько лет назад ему хватило бы и двадцати секунд для того, чтобы достичь намеченного укрытия и надежно спрятаться за ним... Но, возможно, он слишком долго вел сидячий образ жизни, а может, сказался возраст или что-то еще. Только вдруг Барбридж почувствовал резкое жжение под веками. Настолько резкое, что он на бегу вынужден был зажмуриться. Всего на мгновение, чтобы прошла эта нестерпимая, внезапная боль...

И тут на него накатило. Собратья по ремеслу говорили, что подобное порой случается, причем не только в Зоне, но и вне ее. Правда, в самой Зоне – намного чаще.

С Барбриджем же такое случилось впервые.

Он вдруг словно попал в другой мир. Множество новых, незнакомых запахов окутало его, погружая растревоженный мозг в странный калейдоскоп ощущений. Окружающее пространство, освещенное неверным светом луны, приобрело резкие, угловатые черты, став похожим на грубо намалеванную картину. Ночной воздух, овевающий лицо, вдруг сделался плотным, словно резиновым, и в нем неизвестно откуда во множестве появились свободно плавающие геометрические фигуры – шары, кристаллы с угрожающе острыми шипами, пирамиды со сверкающими гранями... Через это нагромождение непонятных предметов Барбриджу пришлось проламываться, словно ледоколу через торосы, разгребая руками непослушную инородную массу.

Все это длилось каких-то несколько мгновений, за которые Стервятник успел сделать лишь пару шагов. Боль в глазах внезапно пропала – и нереально реальное видение исчезло вместе с ней. Опытные сталкеры говорили, что порой наш знакомый мир Зона по непонятным причинам показывает своим детям с другой, неизвестной стороны, приоткрывая его на мгновение и закрывая снова, прежде чем человек успевает понять, что к чему.

Но сейчас она сделала это явно не вовремя...

Пулеметная очередь рассекла ночную темноту. Барбридж почувствовал сильный толчок и рухнул как раз за ту самую кучу кирпичей.

Немедленно по полю заметался луч прожектора, отыскивая утерянную цель. Наткнулся на укрытие Стервятника, порыскал туда-сюда, вернулся и больше уже не двигался.

Пулемет ударил по освещенной цели. Засвистели пули. Над головой беглеца раздалось несколько тупых ударов, на спину и капюшон градом посыпались осколки кирпича. Но Барбридж лежал не двигаясь, хотя все тело, все его существо стеноло: «Беги! Спасайся!»

– Хрен тебе, – прошипел сталкер, сплюнув на землю кирпичную пыль. – Мослатый Исхак целое утро меж двумя канавами под пулеметами пролежал и живой остался. Но я не он! Я не сломаюсь! Слышите вы, жабы?! Хрена с два вы возьмете Барбриджа!

Его трясло. Может, от адреналина, а может, от осознания, что ори, не ори, а вниз-то посмотреть все равно придется. Боли не было, но Стервятник знал: его ранили. Насколько серьезно – непонятно. Первое время организм сам глушит боль адреналином. Если что-то серьезное, боль придет потом, через несколько минут, да такая, что можно и копыта завернуть от шока. Если несерьезное – тоже приятного мало. Потому что, когда армейцы устанут стрелять по кирпичам, нужно будет подняться и пробежать сто метров до ложины, которая навсегда скроет его и от патрулей, и от Зоны, и от всего, что с ней связано.

Но для того чтобы понять, насколько все плохо или, наоборот, хорошо, нужно просто посмотреть вниз. Потому что толкнуло там, точно под коленки ударили бейсбольной битой, обернутой тряпками. Тупо так, сильно, но совсем не больно. Нужно просто собраться с духом и глянуть.

Крупнокалиберный М2 продолжал азартно молотить по хорошо освещенной цели. Наверно, пулеметчик твердо решил разворотить укрытие и выковырять укрывшегося за ним человека. Но пока ему это плохо удавалось. Кирпичей было много, они слежались от времени, и так с ходу взять довольно внушительный мусорный холм было непросто. Хотя, конечно, все было лишь делом времени. Калибр двенадцать и семь миллиметров справлялся и с более серьезными препятствиями.

Но Барбриджа все это уже мало интересовало. Он смотрел вниз, на то место, где всего пару минут назад были его ноги. Прожектор не мог пробиться сквозь довольно высокое укрытие, но выглянувшая из-за туч луна услужливо освещала лужу крови и обрывки плоти, свешивающиеся с остатков коленных чашечек.

И тогда Барбридж рассмеялся. Легко, от души, как человек, с плеч которого только что свалилось очень тяжелое бремя.

– Значит, исполнение желаний для всех? Ну что ж, доченька, вот и твое исполнилось. Дождалась, сучка...

Стервятник сунул руку за пазуху и достал пистолет, который отдал ему Рэдрик Шухарт. Тот самый пистолет, что украл у отца глупый Арчи перед тем, как уйти в Зону. Сейчас в «Кольте» был только один патрон из оцинкованной коробки, найденной в старом схроне Шухарта рядом с поваленной телефонной будкой. Больше Барбридж решил не брать – отстреливаться от патрульных и армейцев дело глупое и бесполезное. А вот для такого случая – в самый раз.

Стервятник поднял руку, ствол пистолета прохладно коснулся виска.

– Счастье для всех, даром... – прошептал Барбридж деревенеющими губами. – И никто не уйдет обиженный... Никто не уйдет...

Глава 2 Снайпер

Я попытался открыть глаза, но с первого раза у меня не получилось – веки словно стянула твердая корка. А еще нестерпимо болело все тело, словно по нему долго лупили палками. Осознание боли приходило постепенно: сначала веки, потом лицо, кожа которого словно только что пережила неслабый ожог, потом легкие, казалось, доверху забитые гарью.

Я попытался вдохнуть поглубже – и тут же скорчился в приступе неудержимого кашля. Лицо щекотали травинки, и сквозь боль, пульсирующую во всем теле, сознание все-таки фиксировало происходящее: я катался по земле, мокрой от росы или только что прошедшего дождя. Но помимо этого был еще и запах. Очень знакомый запах запустения, какой бывает на старых пустырях и заброшенных свалках.

Наконец я откашлялся и немного свыкся с болью. Слишком часто приходилось ее испытывать, и тело уже давно примирилось с ней, научившись правильно реагировать на физические страдания без участия сознания. Бывалые люди говорят, что внутри бойца, много повидавшего на своем веку, начинает вырабатываться какой-то гормон, который глушит и боль, и последствия физического перенапряжения, и душевные страдания человека, для которого война давно стала даже не профессией, а судьбой. Ветераны утверждают, что без этого гормона смерти любой нормальный человек сойдет с ума меньше чем за сутки. Хотя вполне возможно, что это просто очередная солдатская байка.

Кашель прекратился, но теперь я просто лежал на сырой траве, не торопясь открывать глаза. Я уже догадывался, что сейчас увижу, но мне очень не хотелось, чтобы догадка становилась реальностью, от которой потом будет уже никуда не деться. Я тянул эти мгновения темноты, как гурман, смакующий изысканное блюдо и знающий, что ему никогда больше не придется его отведать. Я знал: одно короткое движение век – и старый мир, знакомый и ненавистный, ворвется в мою жизнь, словно сезонный ураган, вновь и вновь сметающий на своем пути все живое. Старый, не нужный мне мир, из которого я однажды ушел раз и навсегда для того, чтобы никогда больше сюда не возвращаться...

Но прятаться от реальности никогда не было в моих правилах. Поэтому я дал себе еще несколько секунд блаженной темноты – и с усилием разодрал слипшиеся веки.

Свет ударил в глаза. На самом деле он был тусклым и безжизненным, этот солнечный свет, с трудом пробивающийся из-за сплошной пелены свинцовых туч. Но для чувствительных глазных нервов, все еще до конца не восстановившихся после яркой вспышки, этого было вполне достаточно. Сразу захотелось вновь смежить веки, но я не дал себе этого сделать. Мгновения блаженного неведения миновали. Наступило время сурового настоящего.

Я медленно поднялся с сырой земли.

Внизу под ногами росла серая, больная трава, чудом выжившая на зараженной земле, а прямо передо мной торчал большой плакат, на котором была начертана надпись, полуразмытая кислотными дождями:

«Увага! Радіаційна небезпека! ПТЛРВ «Копачі». Територія ДСП «Комплекс» м. Чорнобиль, вул. Кірова, 52. Тел. 5-19-24; 5-24-84. В'їзд на територію ПТЛРВ без дозволу КАТЕГОРИЧНО ЗАБОРОНЕНО!»²

² «Внимание! Радиационная опасность! ПТЛРВ (пункт тимчасової локалізації радіоактивних відходів/Пункт временной локализации радиоактивных отходов) «Копачи». Территория ДСП (Державного спеціалізованого підприємства/ государственного специализированного предприятия) «Комплекс», г. (місто/город) Чернобыль, ул. Кирова, 52. Тел. 5-19-24; 5-24-84. Въезд на территорию ПТЛРВ без разрешения КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО!» (укр.).

Превозмогая боль во всем теле, я до хруста сжал кулаки. Уж лучше б проклятый Тестомес забросил меня в страшный мир Москвы, сожженной ядерной войной. По крайней мере где-то там, среди полчищ кошмарных мутантов, орд ржавых боевых роботов и обширных территорий, усеянных Полями Смерти и другими опасными ловушками, сейчас находилась та, ради которой стоило жить на свете. Здесь же, в мире ежедневной, бессмысленной борьбы за выживание и погони за хабаром, у меня не было иной альтернативы, кроме как выживать и гоняться за хабаром. То есть быть как все. Как же это страшно порой – быть как все. Особенно когда ты никому не нужен и никто тебя не ждет...

Но в то же время я понимал – все эти мысли есть не что иное, как боль, с которой мое тело давно свыклось. Возможно, благодаря гормону смерти, а может быть, оно просто адаптировалось к этой пытке, как привыкает инвалид к фантомным болям на месте давно утраченных конечностей. А это значит, что надо жить, несмотря ни на что. И выживать, даже если тебе этого и не очень-то хочется делать.

– Ну, здравствуй, Зона, – скрипнув зубами, прохрипел я. – Здравствуй. И будь ты проклята...

– Не надо бы так про нее, – раздался голос за моей спиной. – Живая она. Услышит и отомстит.

Я обернулся.

Их было двое.

Голос принадлежал мордатому мужику в сталкерском комбинезоне с крупнокалиберным охотничьим ружьем в руках. Рядом с ним стояла колоритная фигура в пыльнике, направив на меня ствол пулемета ПКМ. Лицо фигуры тонуло в тени глубокого капюшона. На руках пулеметчика были надеты толстые черные перчатки, усиленные кевларовой нитью. Позади вооруженных сталкеров стоял компактный двухместный вездеходик армейской камуфлированной расцветки с прицепленным к нему большим трейлером.

– Здорбво, Жила, – с трудом проговорил я, узнав торговца. – И тебе, Ильюша, не кашлять.

Слова давались с трудом. Похоже, не только лицо подпалил мне чертов Тестомес, но и бронхи задела волна раскаленного воздуха.

Мордатый со своим напарником переглянулись. На лице Жилы обозначилось глубочайшее удивление. Что было под непроницаемым капюшоном Ильюши – одному черному сталкеру ведомо.

– Интересно, откуда ты меня знаешь, парень? – поинтересовался торговец.

Его изумление было искренним. Такое, как ни пыжься, нарочно изобразить не получится, если ты, конечно, не профессиональный актер. Но лицедеям в Зоне не место, как и людям без оружия, кстати. У меня же ничего не было, кроме двух ножей – за что большое спасибо Тестомесу, чтоб его на части разорвало.

Я попытался ответить, напомнить, мол, как же, встречались в Зоне не раз, даже помогали друг другу, но проклятый кашель снова скрутил меня в дугу.

– Хотя какая разница, – задумчиво проговорил Тестомес. – Меня ж каждая собака в Зоне знает, правда, Ильюша? А этот друг свое, похоже, откашлял. И ножи у него неплохие вроде. Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

И тут грянул выстрел.

Признаться, не ожидал я такого от Жилы. Чтоб он вот так запросто, ни с того ни с сего, в живого человека пальнул. Оказывается, ошибался я в нем сильно. И понял это, лишь когда из ствола его ружья вырвалось пламя...

Удар в живот был сильным. Обычно он таким и бывает, когда в тебя стреляют почти в упор из двенадцатого калибра.

Меня швырнуло назад, прямо на щит, предупреждающий о том, что в Копачи соваться не стоит. Несмотря на то, что установлен он был еще в прошлом веке, щит выдержал удар. По

нему я и сполз вниз, осознавая, что стремительно теряю силы и что, как ни напрягайся, но до рукоятки ножа мне уже не дотянуться.

– Ну и хрен с тобой, Зона, – прошептал я вслед стремительно угасающему сознанию. – Наконец-то ты взяла своё...

* * *

Те, кто пережил клиническую смерть, говорят, что, когда человек умирает, он видит какой-то тоннель, свет в его конце и другие благостные вещи, настраивающие на умиротворенно-фатальный лад. Мол, все, жизнь кончилась, расслабься, друг, сейчас тебя ждет гладкая финишная прямая и вечный санаторий с крылатым персоналом...

Думается мне, брехня это. Во всяком случае, я точно ошибся адресом. Мой тоннель был темным, хоть глаза коли, а последний путь по нему напоминал путешествие на раздолбанном «Москвиче» по российской дороге.

Меня трясло, подкидывало и эпизодически прикладывало о стены то плечом, то бедром, то головой. Единственное утешение – тоннель был обит чем-то мягким, потому мое путешествие в лучший мир пока еще не ознаменовалось переломами конечностей или сотрясением мозга.

А еще в нем воняло старыми консервами, слежавшейся одеждой и хорошо мне знакомым ружейным маслом.

Последовала еще пара-тройка взлетов и падений носом в мягкое, после которых я окончательно пришел в себя.

Само собой, это была не хрестоматийная кишка со светом в конце, связующая мир живых и последнее пристанище мятущихся душ, покинувших брэнное тело. Скорее, трясущаяся хрень, в которой меня мотало туда-сюда, напоминала склад на колесах. Во всяком случае, пахло в ней именно складом, запах которого хорошо знаком любому военному.

Хорошо, что нет у меня морской болезни, а то обблевал бы все вокруг и катался в собственной блевотине. Неприятное занятие, особенно, когда ты умело связан по рукам и ногам так, что и пальцем не пошевелить. Профессиональная вязка сразу чувствуется. Дергаться бесполезно, только устанешь.

Наконец тряска прекратилась. Снаружи послышались шаги, и – о чудо! – свет в конце тоннеля все-таки появился. Только силуэт в нем был неправильный. Вместо крылатого архангела в квадрате двери обозначилась коренастая фигура Жилы, в целом похожая на шар для боулинга, водруженный поверх могильной плиты.

Торговец посветил фонариком.

– Надо ж, живой, – удивленно промолвил он. – А я уж думал тебя на мясо для собачек продать, пока свежий.

– Не стоит, – прохрипел я. – Пожалей животных, передохнут в мучениях.

– Хех, – ухмыльнулся Жила. – Он еще и хохмит. Значит, продадим не на мясо.

С этими словами он нырнул внутрь трейлера, ухватил меня за ноги и выволок наружу.

Я предусмотрительно прижал подбородок к груди и потому не долбанулся затылком вторично, а лишь довольно чувствительно, но в общем терпимо приложился лопатками об землю. Ничего, переживем, бывало и хуже.

Проморгавшись после кромешной темноты, я смог оценить окружающий пейзаж, кстати, довольно унылый.

Прямо передо мной торчала пулеметная вышка. Под ней – типичный советский контрольно-пропускной пункт, коробка из красного кирпича с окнами, забранными решетками. Перед коробкой дорогу перегораживал бруствер, сложенный из мешков. Хочешь проехать, изволь малым ходом съехать с дороги и трюхать себе по обочине. Понятное дело, ежели боль-

шое начальство пожалует, мешочный бруствер солдатики мигом раскидают, будто ничего и не было. Да только начальство редко в Зоне появляется, боится радиации, мутантов, явлений всяких гадостных типа того же «жгучего пуха» или «ведьмина студня». А еще сталкерскую пулю словить опасается. И еще неизвестно, чего больше.

За КПП виднелись довольно мощные сварные ворота, на одной из створок которых кто-то криво присобачил бело-синий дорожный знак со стрелками и двумя надписями: «Страхолиссия» и «Чернобилль». Та, что «Страхолиссия», указывала прямо, та, что «Чернобилль», – налево, и при этом явно врала. Карта Зоны у любого сталкера в голове сидит накрепко. Таблицу умножения наш брат вспоминает, лишь когда хабар перекупщику сдает, а вот что где в Чернобыльской зоне отчуждения находится, это мы помним круглосуточно.

Значит, это КПП перед въездом в поселок Страхолесье. Говорящее название... Много про это место слухов поганых ходило среди сталкерского люда, а вот что творится за усиленным армейским кордоном на юго-востоке от Чернобыля, доподлинно не ведал никто. Зато все знали точно – проще среди бела дня открыто пройти в Зону через КПП «Дитятки», поплеывая на блестящие гуталином сапоги начкара и его пристяжи, нежели ночью просочиться на запретную территорию в районе Страхолесья. Пропадали там люди, даже плененные в Зоне военными патрулями. Поехал конвой на юго-восток, значит, считай, никто и никогда больше не увидит взятого под белы ручки сталкера-арестанта. Ни писем из тюрьмы не будет, ни на запросы официальные о судьбе преступника никто не ответит. Был человек – и нет человека. Вот такие дела.

– Спасибо, Жила, удружил, – сказал я, после чего собрал во рту побольше вязкой слюны и смачно плюнул в морду торговца.

Тот довольно ловко уклонился от плевка, занес было ногу, чтоб отвесить мне пинка, но передумал. В сторону его драндулета с пристегнутым трейлером направлялись четверо молодцев в камуфляжах и при автоматах. Я сразу отметил: камуфля на всех была новая, автоматы тоже «с нуля». И пулемет на вышке – не ПКМ, занюханный до невозможности, а самый натуральный «Печенег», причем без малейшей царапины на стволе, можно сказать, только со станка. Все это я разглядел абсолютно точно, снайпер я или где?

Пока четверка вояк неспешно направлялась к нам, Жила загодя согнул спину в полупоклоне, а Ильюша куда-то ненавязчиво смылся от греха подальше. Мутант – он и в Африке мутант, их нигде не любят, даже в местах, где у военных с барыгами все схвачено и заплачено.

– Здорóво, Жила, – лениво обронил пятнистый капитан, подойдя поближе.

Тройка его церберов выстроилась позади, по-уставному пожирая глазами мясистый затылок начальства. Лучше б в Зону пялились, придурь кирзовая. Оттуда могут гораздо большие неприятности нагрнать, нежели самые ужасные кары его сиятельства капитана.

– Здравия желаю, товарищ Голопупенко, – потупил глазки торговец. Ишь ты, Голопупенко. Камуфля маскировочная не только на плечах, но и на фамилии.

– Ну, чего привез на этот раз? – прищурился капитан, почесывая объемистое брюшко. Хорошо у них тут, на КПП «Страхолесье». Таких момонов я не видал у вояк с других блокпостов, даже у майоров не наблюдал. А тут не только начальство, но и рядовой состав, я смотрю, ряхи серьезные накушал на казенных харчах. Не во всякое зеркало такая будка поместится.

– Сталкера вот заловил... – еще сильнее засмутился Жила.

– Это я вижу, – поджал губы Голопупенко. – Ты давай по делу, коммивояжер, не тяни зомби за яйца.

– Да я ж и не тяну, – горестно вздохнул торгаш. – Вот оно, все как на духу. Три «батарейки», две «губки», «брызг» семь штук. Все, как положено, запаковано в свинцовые контейнеры, обернуто войлоком, печати проставлены с особой маркировкой...

Капитан хмыкнул, следом, как по команде, деликатно и коротко хором гыгыкнула пристяжь, растянув рты и тут же вернув их в исходное положение.

– Значит, запаковано, обернуто и проштамповано, – протянул Голопупенко. – А как же без досмотру-то? Может, ты там полную «пустышку» везешь, откуда ж мне знать?

– Да какой там, – испуганно отмахнулся Жила. – Их и пустые-то все давно повыбрали, а уж полную...

– Бреешь, – зевнул капитан. – Жаль, наш дежурный ученый на Хильчу отъехал, а без спецкостюма я в твои контейнеры не полезу. Короче, ладно. Сгружай две «батарейки», одну «губку» и полдюжины «брызг», я сегодня добрый. И можешь проезжать.

Глаза торговца округлились, челюсть отвисла книзу, отчего он стал похож на Щелкунчика из старого мультика.

– Да что же это... Да как же... Это ж грабеж среди бела дня...

– Почему грабеж? – осклабился капитан, следом за ним автоматически растянули хомячьи щеки автоматчики. – За проход из Зоны троих сталкеров с хабаром и без досмотра – вполне нормальная цена.

– Да откуда трое-то? – возопил Жила.

– Как откуда? Ты, твой мутант, что в трейлере среди ящиков зашхерился, и вот это тело с обожженной рожей. Ты ж сам сказал, что он сталкер. Ну и вот.

– Так это ж...

– А-тставить базар, – рыкнул капитан. Его пристяжь разом перестала лыбиться и недвусмысленно взяла автоматы на изготовку. – Короче. Или плати, или чеши обратно в Зону. Хоть лесом двигай до Губинского блокпоста, хоть в Припять ныряй вместе со своим барахлом, авось речной патруль не подстрелит и возьмет дешевле. Только учти, сейчас на кордоне усиление в связи с возросшей активностью Зоны, и проверяющие из центра скачут по гарнизонам, как вши по сверхсрочнику. Так что, если какая-нибудь шишка на блокпост заявится, тебя при визуальном контакте тупо расстреляют без разговоров, а «проверкин» доложит наверх о ликвидации очередного преступного элемента. Выбор за тобой, коммивояжер.

Выслушав все это, Жила вздохнул горестно и, чуть не плача, полез в трейлер, откуда и вынес, пыхтя и отдуваясь, пять войлочных свертков, каждый величиной с небольшой чемодан. Так вот обо что я бился всеми частями тела во время поездки! Свертки были тщательно перевязаны брезентовыми ремнями, и на каждом стояли черные печати с надписями на трех языках: «Осторожно! Не кантовать! Научное оборудование!»

Это правильно. Хабар, взятый из Зоны, конечно, можно брать голыми руками, чесать им разные чешущиеся места, бросать его об землю или в костер. Некоторые даже это проделывают в реале, особенно «отмычки», осознавшие, что обратно к маме с папой они уже не вернуться и терять им больше нечего.

А те, кому терять есть чего, предпочитают переносить хабар в оцинкованных контейнерах, для безопасности обернутых в несколько слоев войлока, чтоб, не дай Зона, не сотрясти ненароком опасный груз. Признаться, я сам таких укупок живьем не видел, наш брат сталкер в основном хабар в поясных контейнерах таскает. Правда, слышал о том, что вывозится он из-за кордона чуть ли не в броневиках, плотно забитых изнутри ватой. Брехня это все, конечно. Вон оно как транспортируется, богатство Зоны, оплаченное кровью многих сталкеров. Научное оборудование, мать его...

– Вот это другое дело, – дружелюбно улыбнулся Голопупенко. – Добро пожаловать на страхолесский рынок. Только ты осторожно по обочине езжай. А то недавно Балан на своем драндулете завалился набок, так ему пришлось нам весь хабар скинуть, чтоб мы его бэтээром на дорогу выволокли. Так и поехал он обратно в Зону, чего на рынке без товара делать-то?

Жила ничего не ответил. Поднапрягшись, закинул меня обратно в трейлер, после чего сквозь шум заведенного двигателя я расслышал рык капитана:

– Открыть ворота!

Трейлер затрясло, потом он накренился набок, но довольно скоро вернулся в нормальное положение. Транспорт Жилы въезжал в Страхолесье, из которого не вернулся еще ни один сталкер, волей Зоны попавший в это загадочное и страшное место.

* * *

Хороший рынок – это тот, где есть всё. Надо тебе, скажем, картошки, не в Зоне выращенной, размером с арбуз, а нормальной, с кулак, в грязи и культурной сеточке, – пожалуйста. Или водки, например, душа захотела. Не паленой, местного разлива, выгнанной из табуретки, найденной в Припяти, а настоящей «Столичной». Да не вопрос! А если автомат нужен? Чтоб прям в складском сохране, блестящий от смазки. Пожалуйста, хороший человек, всё для тебя. Вот он, прям рядом с прилавком стоит, открытый армейский ящик с пятью «калашами» рядом, магазинами и принадлежностями. Или рабыня тебе срочно понадобилась. В меру симпатичная, хозяйственная, со всеми бабскими округлостями, не очень дорогая, но и чтоб по утрам с души не воротило от кривой рожи. И такое найдется. А уж раба подобрать – вообще не проблема. Работящего, не прожорливого, нормально забитого. Не до полусмерти, конечно, но и чтобы знал цену плетки в хозяйской руке. Все для вас, уважаемый. На то он и хороший рынок, чтоб на нем все было...

Рынок богатого поселка Страхолесье был очень хорошим. А чего ему плохим-то быть? Безопасность торгового люда гарантирована военными. Поселок еще в восемьдесят шестом, после взрыва на ЧАЭС, мигом стал стратегически важной точкой. Страхолесье расположено на берегу громадного Киевского водохранилища, часто называемого Киевским морем, в которое несколько рек впадают, и Припять в том числе. Считай, перекресток водных дорог, к тому же расположенный прямо на границе Зоны. Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, каким образом хабар вывозится из Зоны, минуя все армейские кордоны, понатыканные отсюда до самого Киева. Ночью загрузил тючок в моторку, да и погнал себе куда душа пожелает. Хочешь – практически в любую точку незалежной, а хочешь – напрямиком через Днепр в Беларусь, ежели тебе там рады, конечно.

А если вдруг какая незадача образовалась в поселке, незапланированный труп, например, так решается все проще простого. Не зря ж в Киевском море рыбы плавают таких размеров, что если б случилось иной акуле увидеть, скажем, сома-мутанта, удирала бы она, нервно хихикая, со всех своих плавников от греха подальше...

Все эти ценные сведения о житье-бытье местных аборигенов я узнал из разговоров покупателей, подолгу торчащих возле прилавка Жилы. А чего бы не постоять? Посмотреть есть на что, товар качественный, хозяин радушный. Кого хочешь заговорит, словно паук зазевавшую муху, оплетая потенциального клиента тонкой, незаметной паутиной из слов. Глядишь, и поплыл пассажир, уже и неудобно ему уйти без покупки...

Торговал Жила всем. Продуктами, водкой, оружием (как подержанным, заляпанным плохо отмытой кровью, так и новым, по виду только что с завода), запчастями для машин, само собой, хабаром в оцинкованных контейнерах, обернутых войлоком. И рабами. Но с этим у него сегодня было неважно, товар хреновый, и всего в одном экземпляре. Товар – это я, накрепко привязанный к одному из столбов, поддерживающих навес над длинным и широким прилавком.

– Что-то у тебя нынче со скотинкой слабовато, Жила, – хохотнул амбал в понтовой, с нуля «цифровой флоре», подходя ко мне вплотную. – Мне как раз «отмычка» нужна, хочу в Толстый Лес за хабаром сходить. Как думаешь, подойдет?

– Не подойдет, – недовольно буркнул торговец. – Я эту породу знаю. Такой только на остров Хильча сгодится, в мастерские. Прожженный сталкерюга, вишь, глаза какие...

– А что мне его глаза? – осклабился амбал, подходя ко мне вплотную и кладя мясистую граблю на рукоять «стечкина», болтающегося в кобуре на поясном ремне. – Мне его глаза пофигу, меня его зубы интересуют. С гнилыми зубами в Зоне делать нечего. Слышь, ушлёпок, оскалься-ка.

Я улыбнулся одними губами.

– Чо лыбишься? – вызверился амбал. – Жвала свои покажь, пока я тебе...

Не люблю я такое слушать. Тем более что изо рта понтового обладателя дорогого в Зоне камуфляжа воняло премерзко. Поэтому я просто боднул его лбом в переносицу.

Получилось. Почувствовал я, как от удара смачно хрястнула спинка носа – значит, попал куда хотел, несмотря на ремни, плотно стягивающие за спиной мои руки.

Амбал несолидно ойкнул, отступая назад. На новую «цифру» обильно хлестануло красным. Постояв мгновение столбом, незадачливый покупатель качнулся назад и рухнул на спину, раскинув руки и ноги, словно выброшенная на берег морская звезда. Угу. Значит, я ему не только нос сломал, но еще и мозг сотряс, вон как лоб гудит, словно об рельсу приложился. Ну, ничего, теперь невежливому камуфлированному франту светит не поход в Толстый Лес, а покой, постельный режим и сеансы шоковой терапии, когда будет в зеркало смотреться. От такого удара морду на пару недель разносит в пельмень, остаются лишь глаза-щелочки, а вокруг – тесто бесформенное.

– Ну, что я говорил, – вздохнул Жила, бросив в мою сторону неодобрительный взгляд. – Приедут хрен откуда, накупят снаряги и корчат из себя сталкеров-ветеранов. Эй, кто-нибудь, уберите тело с дороги, пока его собаки не обоссали.

Какая-то местная одноухая шавка уже и вправду крутилась неподалеку, явно с недобрыми намерениями поглядывая на неподвижную кучу мяса. Насчет обоссат – это, конечно, вряд ли, для этого столбики есть, а вот уши обгрызть может запросто. Собаки призонья хоть и не мутанты, но их повадки такие же, как у кошмарных тварей, обитающих возле ЧАЭС и в прилегающих районах. Сильного боятся, слабого и беспомощного рвут на месте.

– Дык, может, оно б и к лучшему, – заметил крепкий, коренастый дедок, сосед Жилы, торгующий черными кожаными плащами образца сороковых годов прошлого века с характерными синими петлицами на воротнике и желтыми пуговицами со звездами. Такие носили во время Второй мировой «сталинские соколы», летчики Рабоче-крестьянской Красной армии. Где только нарыл дед столько раритетов – непонятно, небось, какой-нибудь старый потайной склад вскрыл или у вскрывшего скупил по дешевке. Хотя для Зоны товар в самый раз. Толстая, хорошо выделанная натуральная кожа, байковая подкладка, идеальное состояние. Под таким и от слабокислотного дождя укрыться можно, и от «жгучего пуха» спастись, спрятав лицо в высокий воротник...

– Что к лучшему? – не понял Жила.

– Ну, ежели обоссут. Может, глаза насытые мочой собачьей промоет, мозги на место встанут. Глядишь, живой домой вернется, а не по частям.

– Это да, – задумчиво произнес Жила, наблюдая, как незадачливого сталкера уносят четверо рыночных рабов, подгоняемые жилистым парнем, на рукаве которого красовалась повязка с криво намалеванной надписью «Адміністрація». – Это да... Только ведь этот администратор сейчас клиента отнесет и вернется. И придется мне либо этого сталкерюгу ему за бесценку продать, либо...

– Почем работничек, уважаемый?

Жила моментально отвлекся от грустных мыслей и расплылся в тренированной улыбке.

Перед прилавком стоял высокий, худой тип с бледным аристократическим лицом, одетый в черный кожаный плащ. На ногах покупателя красовались до блеска начищенные хромовые сапоги, на руках – перчатки того же цвета, сработанные явно на заказ из того же материала, что и плащ, напоминавший фасоном униформу эсэсовцев из фильмов про войну.

– Для вас почти за бесценок, профессор Гебхард, – промурлыкал Жила. – Тысяча – и он ваш.

– Тысяча гривен? – уточнил покупатель с немецкой фамилией, что, впрочем, не мешало ему абсолютно без акцента изъясняться на русском.

– Долларов, – мягко поправил клиента торговец. – Американских.

– За эти деньги я куплю пяток бомжей, которые все равно через неделю сдохнут в мастерских, – скривился тип, которого Жила назвал профессором, явно собираясь угодить.

– Этот протянет намного больше! – уверенно заявил продавец. – За кордоном встречаются экземпляры, слабо восприимчивые к радиации и пагубному воздействию хабара. Этот – один из них. Доверьтесь моему опыту, я знаю, что говорю. Некоторых Зона ломает, многих убивает и лишь единицам дарит иммунитет к своим порождениям. Такие ветераны могут без последствий голыми руками брать даже «рачьи глаза», не говоря уж про «брызги», и таскать их чуть ли не в карманах...

– Откуда такая уверенность? – спросил профессор, останавливаясь на полпути.

– Я сам из таких, – негромко проговорил Жила. – Меня Зона отметила, и я своих распознаю сразу.

– А потом продаешь их на рынке за американские доллары, – хмыкнул профессор, обнажая в улыбке острые зубы, смахивающие на звериные.

– Бывает и так, – расплылся в ответ торгаш. – На все воля Зоны.

– Как ты его брал? Своими знаменитыми гранулами со снотворным?

– Ими, – кивнул Жила. – Польщен, что вы наслышаны. Не мое изобретение, но моя доработка под ружейный патрон. Никаких побочных эффектов, только травматический шок от удара, за которым следует глубокий, здоровый сон...

– Двести пятьдесят, – перебил торговца Гебхард. – И ни центом больше.

– Семьсот, – заупрямился продавец.

– Триста, или я ухожу.

Жила явно собирался еще поторговаться, но тут в глубине рынка обозначилась знакомая фигура парня с повязкой.

– Ваша взяла, – махнул рукой торговец. – Забирайте.

Три зеленые бумажки, которые швырнул на прилавок профессор, исчезли, словно по волшебству. После чего, как следствие какого-то безмолвного заклинания, за спиной Гебхарда выросли два типа с каменными рожами, запакованные во «флектарн» – причем не в нашу «ряску», а именно в немецкие пехотные камуфляжи. Профессор кивнул на меня, и два молодца, практически одинаковых с лица, синхронно шагнули в мою сторону.

Судя по тому, как они двигались, я решил не дергаться и до поры до времени покориться судьбе. Глупо безоружному, голодному и изрядно помятому драться с двумя вооруженными, хорошо выпавшимися и отлично тренированными типами, судя по повадкам и намозоленным костяшкам кулаков, не понаслышке знающими, что такое рукопашный бой. Тем более что бежать – то все равно некуда. Вон над крышами домов вышка пулеметная виднеется, справа еще одна. Значит, поселок огорожен по периметру, дабы не совались в него излишне любопытные и не убегали из него те, кому убегать не положено. Поэтому я, стараясь не делать резких движений, дал себя отвязать и связать снова. Поймав удивленный взгляд Жилы, я лишь нехорошо улыбнулся обожженными губами. Хрен его знает, куда я попал на этот раз, та это Зона, где я бывал раньше, и тот ли это Жила, которого я знал, но по-любому должок у меня к торговцу появился немаленький.

Подошел администратор, поглядел на меня, на профессорских «флектарнов», почесал в затылке и все же решился.

– Этот раб только что ударил свободного сталкера. За такое полагается штраф и конфискация раба в пользу села Страхолесье...

– Ударил сталкера? Связанный? – поднял тонкие брови профессор. – Хороший экземпляр, удачная покупка. Но, как я понимаю, он проделал это до того, как стал моей собственностью?

– Ну да... – протянул администратор, не понимая, куда клонит новый хозяин опасного товара.

– Значит, теперь все претензии – к его бывшему владельцу, – ехидно осклабился Гебхард. – Моя собственность таких фортелей не выкидывает. Так что ауфвидерзейн, майн либер фройнд.

И кивнул своим телохранителям – пошли, мол.

Ну, они и пошли. Гебхард впереди, «флектарны» за ним, я – между ними. После рассказа администратора они явно стали относиться ко мне более внимательно, один из них даже достал из кармана стальной цилиндр и показал мне. Что это такое, я знал прекрасно. Одно движение кистью – и цилиндр превращается в телескопическую дубинку, которой профессионал может запросто сломать человеку руку или ногу. Или убить на фиг, если понадобится. Прозрачный намек, не требующий разъяснений.

– Кстати, у вас сильный ожог лица, – заметил профессор на ходу. – Ганс, вколи-ка ему сыворотку «зета три». Не беспокойтесь, это чисто мое изобретение – предотвращает возникновение булл, эрозий, язв и всех типов ожогового некроза. Не панацея, конечно, но вероятность сепсиса снижается в разы.

«Ишь ты, заботится о своей собственности», – подумал я.

Шедший слева от меня Ганс, особо не заморачиваясь, вытащил из нагрудного кармана довольно большой одноразовый инъектор, зубами свернул колпачок и прямо на ходу через одежду всадил мне иглу в плечо. Вот сволочь! Мог бы хоть притормозить на секунду. Неприятное это дело, когда тебе разом вкачивают в мышцу пару кубов какой-то гадости. Но профессору было плевать на мои ощущения. Главное, что собственность не загнетса от ожогового сепсиса в ближайшем будущем, остальное не важно, можно идти дальше.

Так мы и шествовали не спеша между рядами обширного страхолесского рынка. Товаров было море, покупателей же не особенно много, потому торговцы только что не выскакивали из-за прилавков, перехватив безразличный взгляд Гебхарда. Но профессора не интересовали ни заморские консервы, ни обмундирование, ни оружие, и даже хабар не вызывал в нем особого энтузиазма. Так, прикупил по пути пару крупных «брызг», нагрузив «флектарнов» двумя войлочными тюками, и на этом все закончилось. Мне ношу не доверил, и это правильно. Для нормального бойца любой предмет – оружие, так что лучше пусть пока что походит раб со связанными руками. Тонкий психолог этот немец, с ним надо быть поосторожнее. Такие профессора с аристократическими чертами лица иной раз бывают опаснее самого жуткого с виду бандюгана.

Внимание Гебхарда привлекали лишь дорогие рабы, которых на рынке, кстати, было выставлено не особенно и много. Часто попадались явные бомжи, грязные и вонючие даже по меркам Зоны. Явные кандидаты в «отмычки», которым один путь – до первой «мясорубки».

Реже продавали обычных деревенских мужиков, пропитых до синевы. Наверняка отловили алкаша где-нибудь в далеком украинском селе, где его никто не хватится и искать не будет, – и в Страхолесье. Зона все спишет, а в случае чего Киевское море не выдаст тайну исчезновения человека.

Сталкеров же не было вовсе. Похоже, сильно свезло Жиле, что нашел он меня безоружного и оглушенного очередным незапланированным переходом из одного мира в другой. Обычно нашего брата так легко повязать не получается. Кому надо лишний раз рисковать да под пулю соваться ради трех сотен «зелени»?

Однако Гебхарду повезло. Мы уже почти весь рынок прошли, когда он углядел, как двое бритых наголо работников привязывают к столбу прилавка обстоятельно избитого рыжего

парня, одетого в мокрую, рваную джинсу. По левой части лица джинсового пижона расплылся нехилый кровоподтек. Похоже, дубинкой приложили, а потом повязали, пока в себя не пришел. И хотя на рыжем не было ничего похожего на сталкерские шмотки, что-то мне подсказало: неспроста лысые подручные продавца вяжут его вдвоем, а сам хозяин торговой точки стоит чуть поодаль с «макаровым» наготове.

– О, майн гот, кого я вижу! – воскликнул профессор. – Господин американец! Какими судьбами?

Продавец покосился на Гебхарда, но пистолет не опустил, продолжая держать джинсового пижона на мушке до тех пор, пока работники не закончили вязку и не отошли в сторону.

– Вы его знаете, профессор? – поинтересовался торгаш, опуская пистолет.

– Мне ли не знать мою собственность? – хмыкнул Гебхард, подходя ближе к пленнику. – Не далее как месяц назад я купил этого туриста здесь, на рынке, у Кривого Остапа. Да-да, у того самого, что пропал в Зоне совсем недавно. И в тот же день он попытался сбежать. Естественно, неудачно. Пришлось его хорошенько проучить, после чего он присмирел ненадолго. Я обучил его русскому языку – пришлось «большую зуду» потратить, турист того стоил. Так вот, вместо благодарности он сбежал во второй раз.

– Все понимаю, господин хороший, – осторожно произнес торговец, так и не спрятав пистолет в кобуру. – Но, по закону Зоны, что с воза упало, то пропало. Мы с ребятами поймали его сегодня утром возле старой базы отдыха, когда он из воды вылезал. Вчетвером брали, так он Назару Длинному все пальцы на левой руке сломал.

– Так вы его, уважаемый, на продажу выставили или просто подсушиться? – поинтересовался немец.

– Ясное дело, на продажу, – насупился торгаш, соображая, куда клонит профессор.

– Так вот, я и покупаю его у вас, никоим образом не собираюсь нарушать закон Зоны. Думаю, за такого строптивного раба вам никто больше пятидесяти долларов не даст.

– Ну, это еще вопрос, – сказал продавец, почесав стволом пистолета широкую переносицу. – Скажем, за двести...

– Сто, – отрезал Гебхард, неуловимым движением извлекая из-под полы плаща «Вальтер Р88». – Наброшу по десятке за каждый палец Длинного Назара. В противном случае я просто пристрелю своего беглого раба, на что имею полное право по законам Зоны.

– Идет, – быстро проговорил торгаш. – Вы же знаете, профессор, как мы все здесь вас уважаем. Ради такого покупателя грех не сделать скидку.

– Это точно, – невозмутимо произнес Гебхард, после чего «вальтер» незаметно, словно сам по себе, исчез в складках кожаного плаща. На прилавок упала измятая зеленая бумажка. – Пусть ваши помощники проводят господина туриста до моего катера.

– Но мы об этом не договаривались... – начал было торговец.

– Видите, мои помощники заняты, – процедил сквозь зубы профессор. – Или вы хотите испортить со мной отношения, уважаемый?

Продавец живого товара портить отношения не хотел, поэтому лысым пришлось самим отвязывать опасного беглеца. Правда, перед этим торговец, засунув пистолет в кобуру, достал из кармана электрошокер и приложил его к шее джинсового. Мелькнула искра, послышался треск, пленник дернулся и обмяк.

– Так надежнее, – пояснил продавец. – У моих парней лишних пальцев нету.

Гебхард ничего не ответил, лишь повернулся и направился к причалу, уже видневшемуся в конце рынка. За ним потянулся небольшой караван: «флектарны», груженные хабаром, я между ними, а позади нас – лысые, тащащие за собой безвольное тело рыжего туриста.

* * *

Катер профессора был довольно просторным. Большая капитанская рубка, две пулеметные стойки на носу и корме с крупнокалиберными «Утесами» и широкая палуба, где и разместилась вся наша теплая компания. Помимо бородатого, неразговорчивого капитана на катере находились еще двое «флектарнов», поразительно похожих на моих конвоиров. Такие же каменные рожи, примерно одного роста, белобрысые, одинаковые стрижки... Хотя, возможно, я заморачиваюсь. Одинаковая униформа делает людей похожими друг на друга, а если профессор специально подбирал себе в команду крепких голубоглазых блондинов, то это все и объясняет.

На палубе стояло тяжелое дубовое кресло с высокой спинкой, выполненное в готическом стиле, и небольшой круглый столик из того же материала. Откинув полы плаща, Гебхард опустился в кресло, открыл стоящий на столике хьюмидор, вынул оттуда сигару, понюхал ее и улыбнулся. Наверно, так мог бы улыбнуться довольный удав, вдосталь наглотавшийся мышей. Сразу же из-за спинки кресла нарисовался «флектарн» с золотой гильотинкой в руке, которой он ловко отмахнул кончик сигары.

Профессор кивнул, достал из кармана мою зажигалку, прикурил и с удовольствием затянулся. Я и не заметил, как Гебхард выторговал у Жилы прощальный подарок Сталка с запоминающейся гравировкой: «Если пойду я долиною смертной тени, то не убоюсь я зла. Потому что я и есть самое страшное зло в этой долине». Видать, пока меня отвязывали от столба, и произошла сделка. Хотя не исключено, что торгаш просто решил подарить сувенир хорошему покупателю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.